

ВЕСНОВКА

1976







МАРТ • 1976

год издания XX

газеты
«Ленинские
искры»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

ЕЖЕМЕСЯЧНИК



Екатерина ШАНГАЙ

Рис. Януса

* * *

Сугробы тают, и всюду сыро.
Проснулось солнце и встало

рано.

И подарила улыбку миру
Всегда задумчивая Светлана.

Осина машет набухшей веткой,
В реке ломаются звонко льдины,

И небо светит ужасно синим,
И дождь бывает ужасно редко,

Открыты настежь двойные рамы,
И солнце светит уже упрямо,
И дни счастливые почему-то,
И почему-то светлеют ночи,
И почему-то они короче...



«НАТАША»

В 1913 году в России был впервые отпразднован Международный женский день. Партия большевиков поручила организацию этого праздника Прасковье Францевне Куделли и Конкордии Николаевне Самойловой. Праздник прошёл успешно.

Наверное, немногие из вас знают, что одна из кондитерских фабрик Ленинграда носит имя женщины, которая и была организатором празднования самого первого Международного женского дня в нашей стране.

О замечательной революционерке, стойкой большевичке Конкордии Николаевне Самойловой мне и хочется рассказать.

Конкордия Николаевна при-

ехала в Петербург в 1896 году. Родилась она в Иркутске. Училась в гимназии и, как только окончила её, стала самостоятельно зарабатывать на жизнь. Она давала частные уроки, потом стала учительницей арифметики в Иркутской центральной школе фельдшерниц. Когда девушке исполнилось двадцать лет, она уехала в Петербург — учиться.

В Петербурге Конкордия Николаевна была зачислена на Высшие женские курсы. Но окончить их ей не удалось. За участие в сходках, в демонстрациях против самодержавия она была исключена из числа слушательниц курсов.

В 1902 году Конкордия Николаевна эмигрировала в Париж. Здесь она впервые услышала Владимира Ильича Ленина — он читал лекции в «Русской высшей школе общественных наук», которую Конкордия Николаевна посещала. Здесь, в Париже, произошло окончательное оформление её политических взглядов.

В Россию Конкордия Николаевна вернулась через год агентом ленинской газеты «Искра». Конкордия Николаевна жила то в Твери, то в Екатеринославе, то в Николаеве, то в Одессе. Она распространяла среди рабочих листовки, выступала на сходках. Из-за постоянных преследований царской охранки Конкордия Николаевна не только не могла подолгу оставаться в одном городе, но даже жить под своей фамилией. «Наташа» — было одно из её имён в больше-



вистском подполье, так называли её товарищи по борьбе.

К женскому дню 1914 года большевики решили выпустить первый в России журнал для женщин-пролетарок. Идею эту высказал Владимир Ильич Ленин. Надежда Константиновна Крупская стала одним из организаторов нового издания, а Конкордия Николаевна и ещё несколько большевичек — членами редколлегии.

...В один из февральских дней 1914 года члены редколлегии журнала «Работница» условились встретиться для обсуждения первого номера журнала. Когда Самойлова пришла, почти все были в сборе. На столе лежали кипы рукописей. Вот уже готовы разделы хроники и фельетона, отложены для публикации стихи, письма, заметки женщин-работниц.

Работа была в самом разгаре, когда в дверь громко застучали. В комнату ворвались офицер охраны, шпики... Прасковья Францевна Куделли, Конкордия Николаевна протестовали — это незаконное вторжение. На выпуск журнала у них есть разрешение самого градоначальника. Но предста-

витель охраны прочитал вслух новое предписание: «Произвести обыск и подвергнуть всех аресту, независимо от результатов обыска».

В уютной комнате всё перевернуто вверх дном.

— Мадам, прошу! — вежливо приглашает охранник.

«Прошу» — это значит — обыск: вывернуты карманы, проверена одежда,

— Мадам, прошу...

Одна за другой они прошли через унижайшую из полицейских процедур.

В участке, куда их привезли после обыска, женщины встретились почти со всеми работницами, участвовавшими в подготовке праздника. Оказывается, для обеспечения спокойствия в Петербурге в день 8 марта охранка накануне женского дня произвела массовые аресты.

Но праздник состоялся. И начался он с того, что женщины на предприятиях отказались от сверхурочных работ, назначенных администрацией на этот день. Большевички, оставшиеся на свободе, вместе с мужчинами выпустили журнал «Работница». Ленинская газета «Путь правды» весь

номер посвятила женскому дню. А вечером на Петербургской (ныне Петроградской) стороне состоялось собрание. Зал не смог вместить всех собравшихся. Когда после собрания женщины вышли на улицу, их ждали несколько тысяч человек. Взметнулся красный флаг. Колонны демонстрантов двинулись по Каменноостровскому (ныне Кировскому) проспекту...

А схваченные полицией революционерки сумели отпраздновать женский день и в тюрьме. Утром 8 марта одна из арестованных потребовала у над-

зирательницы проветрить камеры. Последовал отказ. Тогда с требованием проветрить камеры выступили все арестованные женщины-революционерки.

— Долой насилие!

— Да здравствует женский день!—неслось из каждой камеры.

Заключённые добились маленькой, но такой необходимой в этот день победы. Надзирательницы открыли форточки. В переполненные камеры Выборгской тюрьмы проник праздничный ветер.

Рис. Н. Нефёдова

Екатерина ГОЛУБКОВА

Наше время

*А что есть время?
Год?
Минута?
Час?
Чреда эпох
с момента сотворенья?
Но наше время
состоит из нас,
вот потому оно —
и наше время.
Спешите же
посеять семена
добра и красоты
на этом свете!
Ведь наше время
состоит из нас,
и потому мы за него
в ответе.*



Рис. Г. Ясинского

КАФЕ «АЛЬЯНС»

25 июля 1918 года

Василий Евграфович Бешмякин, или попросту Вася, в недавнем прошлом ученик наборщика, а ныне молодой милиционер, сидел в обеденный перерыв дома и читал своей матери вчерашнюю «Красную газету».

Поначалу, правда, ничего читать ей он не собирался: просто забежал домой, чтобы съесть порцию пайковой, сваренной на воде пшённой каши и наскоро починить развалившийся ботинок. Но домашние обстоятельства вынудили его взяться за газету.

Охающая мама сообщила Васе, что по сведениям, полученным ею из достоверных источников, случаи грабежей в городе участились, и не пора ли им, Бешмякиным, поставить новый замок. Так, позавчера ночью неизвестными злоумышленниками похищено из городской пекарни 58 пудов муки; вчера днём тремя вооружёнными лицами из кассы акционерного общества «Динамо» изъяты один миллион рублей и пишущая машинка «Ундервуд», а сегодня утром в доме напротив унесены четыре мешка лука... Поэтому соседи спрашивают: куда смотрит милиция, чем занята ЧК? Если так будет дальше продолжаться, новая власть не удержится: бандиты её переселят.

После такого заявления Вася не смог усидеть молча и вынужден был вступить за честь ЧК и репутацию своей молодой, недавно созданной милиции.

— Тёмный элемент, — строго сказал Вася, кладя ложку, — всплыл наружу. Это естественно, мама. Но с этим элементом мы боремся.

Убрав газету и проглотив остывшую кашу, Вася стащил с ноги прохудившийся ботинок, намереваясь поставить на нём очередную заплату, но не успел.

Сначала в длинном коридоре коммунальной квартиры, где жили Бешмякины, послышался приближающийся дробный топот, затем дверь в комнату отворилась, и на пороге появились многочисленные дворниковы ребята (мал мала меньше). Перебивая друг друга, взволнованно сообщили, что неподалёку, на Обводном, вылавливая дрова, они выловили подозрительного утопленника, что сейчас с утопленником остался их отец, а сами они командированы за Бешмякиным как милиционером и представителем власти, который знает, что в таких случаях надо делать.

Что в таких случаях надо делать, Вася знал: об этом было написано в инструкции. Но за семь дней работы в милиции сталкивался он с утопленниками впервые. Поэтому, скажем прямо, сильно взволновался — не меньше, чем его собственная мама.

У самой кромки воды, под охраной дворника, лежал утопленник, в котором Василий Бешмякин почти сразу признал своего дальнего родственника Аполлона Визжачёва. И оттого, что утопленник оказался вдруг свой, Василию Бешмякину не по-солдатски стало вдруг худо.

Махнув дворнику, чтоб тот накрыл потерпевшего рогожей, и отодвинув в стороны любопытных, Бешмякин почти слепым шагом на-

правился в сторону Измайловского, где в кафе «Альянс» находился ближайший телефон.

По инструкции, Бешмякин должен оповестить о случившемся своё начальство, а потом на месте происшествия дожидаться его прибытия.



В кафе «Альянс» Бешмякин должен был время от времени заходить по делам службы — присматривать за порядком, но до сих пор не заходил: стеснялся. Стеснялся не налётчиков и грабителей, которые, по сведениям начальника райотдела милиции, товарища Грошикова, частенько просаживали в «Альянсе» награбленное добро, но стеснялся «чистой», так сказать, публики: бывших адвокатов, бывших офицеров, бывших чиновников.

Товарищ Грошиков уже дважды указывал Бешмякину на это его служебное упущение, и дважды Бешмякин обещал ему исправиться.

И вот теперь, когда швейцар распахнул перед Васей дверь и Бешмякин вошёл в кафе, он окончательно растерялся: кругом, куда ни повернись, были зеркала, и в каждом отражался молодой милиционер В. Бешмякин, а откуда-то из зеркал спешил ему навстречу радужно улыбающийся человек, вероятно, хозяин, и было ясно, что он безмерно рад этой нечаянной встрече.

— Чем могу?.. — радостно начал хозяин.

И Бешмякин, собрав всё своё мужество и почему-то не глядя на хозяина, сухо, почти, наверное, как сказал бы Визжачёв, произнёс:

— Телефон.

И полез на всякий случай за милицейским удостоверением, но хозяин в притворном негодовании замахал руками, давая понять, что и так верит, что перед ним представитель молодой рабоче-крестьянской милиции, и с большим почётом препроводил Васю в свой кабинет.

Понимая, что вежливый хозяин наверняка подслушивает за дверью и не желая доставлять ему удовольствия известием о происшествии, Бешмякин решил построить свой предстоящий разговор так, чтоб хозяин ни о чём не догадался.

И когда на том конце провода Грошиков снял трубку и деловито сказал: «Грошиков слушает. Говорите», — Бешмякин, будто речь шла о чём-то таком, сугубо личном, приступил к осуществлению своего плана.

— Товарищ Грошиков? Это Бешмякин говорит. Вася. Из кафе «Альянс». Я тут вот по какому делу...

«А всё-таки пересилил себя, зашёл в «Альянс». Молодец», — внутренне похвалил Грошиков.

— Так что у тебя там случилось?..

— У меня-то ничего, — сказал Вася, — но вот у моего родственника... помните, дня четыре назад я вам о нём говорил?.. Ну, ещё тот самый, которого я встретил случайно...

Судя по молчанию в трубке, Грошиков не помнил.

— Он был тогда ещё в автомобиле, — значительно добавил Вася. — А сейчас он болен. И просил вас срочно к нему приехать. Это в пятистах метрах отсюда, на Обводном. Там вы и меня найдёте...

— Что, очень болен? — невольно поддаваясь тону Бешмякина, уточнил Грошиков (он действительно вспомнил теперь пылкий рассказ Бешмякина то ли о дяде, то ли о брате, работающем в ЧК; только Грошиков не совсем понимал, почему бешмякинский родственник зовёт теперь к своему изголовью начальника милиции). — Ты ему врача вызови, — посоветовал Грошиков.

— Врача не надо, — негодуя внутренне на своего непонятливого начальника, отчаянно сказал Бешмякин. — Он умер. Убит! — и поскорее повесил трубку.

Через десять минут к месту происшествия в бывшем почтовом автомобиле подъехал сам начальник районного отдела товарищ Грошиков, в недавнем прошлом — рабочий-металлист.

— Ну и ну,— выйдя из машины и увидев накрытый рогожей труп, только и сказал Грошиков и быстро перевёл взгляд на Бешмякина.— Таак... значит, ухлопали... Где, говоришь, его обнаружили? Кто? Когда?

И после того, как Бешмякин дал исчерпывающие объяснения, негромко добавил:

— А ты уверен, что это тот твой родственник?

— Конечно уверен! — несколько обиженно ответил Вася.

— Ну, тогда давай наводить порядок,— вздохнул Грошиков:— Семья-то у него есть? Вернее, была?..

— Нет, кажется,— ответил Бешмякин.

— Что значит кажется? — удивился Грошиков.

— Отец с матерью давно умерли, а про семью не знаю,— сдержанно ответил Бешмякин.

Не будет же он сейчас объяснять Грошикову, что с Аполлоном они очень не дружили, и потому холост он или женат, Бешмякин не знает.

— Пусть лишние расходятся, смотреть тут нечего, сквозь рогожу всё равно ничего не видно,— отдавал распоряжения Грошиков.— Дворника как свидетеля попрошу остаться...— и, обернувшись к Бешмякину, добавил: — Сейчас приедут товарищи из ЧК. Я их известил. Это по их части. Вероятно, они этим и займутся...

И, словно подтверждая сказанное Грошиковым, скоро подъехала ещё одна машина. Из неё вышли двое, коротко поздоровались с Грошиковым, потом с Бешмякиным.

— Я их знаю,— прокомментировал Бешмякину Грошиков.— Врач Панфилов и сотрудник ЧК Прохоров... Панфилов раньше у нас работал, а с Прохоровым на совещании встречались...

Оба приехавших направились к утопленнику.

26 июля 1918 года. Разговор с консулом

Шведский консул господин Сведенберг никаких симпатий к большевикам не питал.

Но большевики существовали, в их руках была реальная власть, они строили новое государство рабочих, солдат, крестьян, и хотя такая постройка не казалась господину Сведенбергу долговечной, как и что строить — это было их внутреннее дело. Поэтому в антибольшевистской игре, затеянной некоторыми зарубежными дипломатами, господин Сведенберг, консул нейтральной страны, не участвовал, считая такую игру и неверной и бесперспективной.

Но права своих граждан он оберегать должен был.

Именно поэтому находился он сейчас в кабинете большевистского комиссара Урицкого на Дворцовой площади*.

Объяснение между ними предстояло нелёгкое.

Как юрист по образованию и дипломат по должности**, большевистский комиссар должен был понимать, что незаконный обыск,

* На Дворцовой площади, 6, помещался Комиссариат внутренних дел, который возглавлял М. С. Урицкий.

** Комиссариат организационно входил в Иностранный отдел, занимавшийся контактами с иностранными дипломатами; этот отдел также возглавлял М. С. Урицкий.

произведённый агентами ЧК, и изъятие ценностей у иностранного подданного (в данном случае у шведского подданного) нарушает элементарные нормы международного права. А поскольку эти действия были совершены с ведома самого Урицкого, то большевистский комиссар вступал в конфликт не только с международным правом, но и с самим собой — председателем Петроградской ЧК.

Глядя сейчас на этого немолодого уже человека, который внимательно читал его заявление («Лучше будет: протест, да-да, именно протест», — подумал господин консул), господин Сведенберг размышлял о тех возможных последствиях, которые это дело несомненно вызовут: вероятные осложнения с восстановлением дипломатических отношений между Королевством Швецией и Советской Россией, прекращение столь необходимой для Советов торговли (а противники большевиков в такой ситуации добьются и того, и другого) и наконец моральный урон на международной арене.

Так какое же объяснение даст господин комиссар всему происшедшему?..

— Поймите меня правильно, — сказал консул, заметив, что Урицкий кончил читать, — но ваши чекисты в данном случае превысили свои полномочия. Это прискорбно. Я понимаю, ваше государство, как и любое другое, нуждается в пополнении золотого запаса и в валюте, но, простите меня, пополнять его такими методами...

Урицкий молчал.

— Я вынужден буду, — продолжал консул, — сообщить об этом печальном факте своему правительству. А пока настаиваю на немедленном возвращении изъятых ценностей и безусловном наказании виновных...

Только сейчас консул вдруг заметил, какое усталое и неулыбчивое лицо у этого человека.

«Болен, что ли?» — мельком подумал консул.

— Господин консул, — после затяжного молчания сказал Урицкий и привычным движением поправил шнурок пенсне, — изъятые ценности мы постараемся найти и вернуть. Ни органы ЧК, ни органы милиции к этому, как вы выразились, печальному происшествию отношения не имеют. Это я вам заявляю со всей ответственностью. Вы, вероятно, знаете, что на протяжении одной недели это уже третий случай, когда у иностранного подданного неизвестными лицами производятся обыски и реквизируются драгоценности...

Консул это знал.

— Мы считаем, что это не просто акт бандитизма, это политика, совершаемая бандитскими методами. Дело нашей чести виновных найти и наказать. И мы, господин консул, их найдём. А сейчас я могу только принести свои самые искренние извинения пострадавшему...

Консул поднялся.

— Господин Урицкий, — сказал он, — я принимаю ваши слова к сведению. Извините за прямоту, но когда я услышал обо всех этих историях с обысками, я подумал: «А зачем большевикам из-за каких-то бриллиантовых коле и нескольких тысяч долларов портить своё реноме на международной арене?..» И не нашёл вразумительного ответа. Когда бандитизм вмешивается в политику, это совсем плохо. А сейчас я бы хотел... в частном порядке, разумеется... приложить к моему официальному протесту этот листочек бумаги, на котором, по моей просьбе, пострадавший изложил приметы тех, кого вы собираетесь отыскать... Желаю, господин комиссар, удачи.

— Всего доброго, господин консул,— сказал Урицкий.— Я рад, что вы меня правильно поняли.

Консул направился было к двери, но обернулся:

— Мне говорили, господин комиссар, будто вы продолжительное время жили у нас, в Швеции...

— Жил. В Германии, Дании, Швеции, господин консул.

— В качестве кого, если не секрет?

— В качестве человека, которому царское правительство запретило когда-либо возвращаться в Россию. Но...— Урицкий улыбнулся и развёл руками.

Когда консул вышел, Урицкий внимательно пробежал глазами «листочек». Таких листочков было у него уже три. Урицкий почти не сомневался, что и в этом, третьем, приметы совпадут...

Поздно вечером Урицкий позвонил на Гороховую*:

— Николай Гаврилович? Я вас очень прошу проверить, нет ли за последние дни жалоб от советских граждан на незаконную реквизицию ценностей сотрудниками ЧК. Если поступали, отложите их для меня.

27 июля 1918 года

Два дня Вася Бешмякин покупал дневные и вечернюю газеты, думая увидеть там печальное известие о гибели своего четвероюродного брата. Что вот, мол, в неравной борьбе с преступниками пал смертью храбрых чекист Аполлон Иванович Визжачёв.

Но некролога почему-то не было.

Днём в милицию заехал к Бешмякину сотрудник ЧК Прохоров: уточнял кое-какие детали. Вася хотел спросить его о некрологе, но постеснялся. Да и потом, какие-то чудные вопросы задавал Прохоров: где жил Визжачёв, когда в последний раз видел его Вася.

— Я имею в виду: живого,— уточнил Прохоров и сочувственно посмотрел на Васю. Мол, ничего не поделаешь, товарищ Бешмякин, приходится беречь ещё не зажившие раны.

— Дней шесть назад. На Измайловском,— сказал Вася.

— Номер дома не помните?

— У дома двадцать девять.

— Он был один?..— сверяясь с какими-то своими записями, спросил Прохоров.

— Нет, их было пятеро: трое военных, Аполлон, ну и ещё тот, рябой. Аполлон его по имени называл, да я забыл,— виновато признался Вася.

В тот день Бешмякин совершал свой обычный патрульный обход по участку и, когда свернул на Измайловский, неожиданно увидел на противоположной стороне своего дальнего родственника Аполлона Визжачёва.

Аполлон, в кожаной тужурке и крепких кожаных ботинках жёлтого цвета, всё в той же фуражке бывшего конторщика, но с маузером в деревянной кобуре через плечо, твёрдо стоял возле парадного крыльца бывшего буржуйского дома с ещё одним студенческого вида гражданином, и у обоих на лицах отражалась важность дела, ими совершаемого.

* На Гороховой, 2 (ныне улица Дзержинского), помещалась Петроградская ЧК (Чрезвычайная комиссия), которую также возглавлял М. С. Урицкий.



Возле тротуара стоял автомобиль.

В первую секунду Бешмякин, заведя Аполлона, обрадовался и уже заготовил первую фразу для первого родственного объятия, но затем, осознав перемену (они не виделись год), происшедшую с Аполлоном (кожаная тужурка... маузер... автомобиль...), несколько поумерил радость, ибо получалось: Аполлон Визжачёв находится сейчас при исполнении служебных обязанностей и бросаться к нему в такой ситуации на шею не пристало.

Поэтому, поправив трёхлинейку, приклад которой, если за ним не смотреть, из-за малого роста Бешмякина бился о мостовую, Бешмякин направился к родственнику сугубо служебным шагом, готовый как представитель милиции оказать представителю ЧК посильную помощь.

Однако от помощи, к огорчению Бешмякина, Аполлон отказался, хотя признал родственника и даже представил его своему студенческого вида напарнику, который не проявил к Бешмякину никакого интереса, разве только усмехнулся своим меченым оспой лицом, когда услышал, что Бешмякин уже несколько дней как работает в милиции.

Далее, на вопросы Бешмякина несколько зазнавшийся Аполлон сухо подтвердил, что вот уже полгода работает в ЧК, а до этого находился на фронте, что рад встрече, а особенно тому, что оба они — Аполлон и Бешмякин — находятся по одну сторону баррикад.

Так бы, наверное, миром и закончилась эта родственная встреча, если бы не ошибка, допущенная бестолковым Васей Бешмякиным...

— Какая же это была ошибка? — спросил заинтересованный Прохоров. Вася скучно уставился на телефонный аппарат.

— Я потребовал у него документы.

— Ого! — не то удивлённо, не то осуждающе сказал сотрудник ЧК Прохоров.

— Я, конечно, понимаю, — торопливо продолжал Вася, — не надо было у него спрашивать документы, но по инструкции — полагается...

— Верно, — всё так же удивлённо глядя на Васю, сказал Прохоров. — Да вы не думайте, я вас не осуждаю. И если Визжачёв вас осудил...

— Нет, — покачал головой Вася, — он показал документы. Только обиделся.

— Так, — сказал Прохоров. — А что было дальше?..

— Дальше — они сели в машину и уехали.

— Кто?

— Ну, трое военных... они как раз вышли из подъезда... и Аполлон с этим студентом...

Вася замолчал, обдумывая, не упустил ли он чего важного, что помогло бы найти убийц Визжачёва. Получалось, вроде бы, нет. Хотя...

— Да, — сказал Вася, — не знаю, насколько это важно... Они вышли с чемоданом...

— А номер машины вы не запомнили?

— Нет.

О гибели Визжачёва Вася матери ничего не сказал. Во-первых, потому, что не хотел её огорчать, а во-вторых, рано или поздно она сама обо всём узнает. А сейчас, по горячим следам, ещё по-

бежит к самому товарищу Грошикову уговаривать, чтоб тот отпустил её единственного сына Васю обратно в типографию...

А Грошиков, может быть, сам у своей матери единственный сын. И вовсе не он Васю держит, а ими обоими повелевает долг.

27 июля. Вечером

Урицкий говорил, что от табачного дыма, которым его потчуют на Гороховой, 2, у него есть только одно убежище — Дворцовая, 6: там хоть не курят. А здесь, в своём кабинете на Гороховой, он чувствует себя, как на вулкане: из-под каждой двери стелется табачный дым, и никто не хочет избавиться от этой пагубной привычки.

Но Моисей Соломонович Урицкий и сам раньше курил. Причём курил трубку, набивая её злущим боцманским табаком.

Те, кто знал его в молодые годы (а годы эти пришлось на царские тюрьмы и ссылку), говорили, что Урицкий со своей коротенькой трубкой и чёрной бородой был похож на заправского боцмана дальнего плавания: всегда невозмутимый, даже несколько флегматичный, он ходил немного вразвалочку, и чувствовалась в нём спокойная, уверенная сила.

По заданию партии Урицкий, вскоре после окончания Киевского университета, поступает на военную службу вольноопределяющимся, но за революционную агитацию среди солдат его арестовывают и отправляют на восемь лет в якутскую ссылку, откуда он вскоре бежит...

...Прохоров попал в кабинет Урицкого уже где-то под конец совещания. В комнате было накурено, и хотя ребята миллион раз давали друг другу обещания не курить в кабинете Урицкого, клятвы эти сами собой забывались. Вот и сейчас...

Прохоров пробрался к свободному стулу и наметанным глазом по выражению лиц окружающих и по лицу самого Моисея Соломоновича оценил обстановку: «Ещё какое-нибудь чрезвычайное происшествие...»

Он толкнул в бок соседа — Гришу Кавуна, и тот мрачным шёпотом подтвердил:

— Чуть целую картинную галерею не пропляпили, за кордон её едва не увезли...

— Но ведь не увезли, — резонно возразил Прохоров.

— Создаётся такая ситуация, — продолжал между тем Урицкий, — бьют нас, по всем статьям бьют, а мы сидим и ничего не можем сделать.

(Урицкий преувеличивал: только за последний месяц сотрудниками ЧК было раскрыто несколько контрреволюционных заговоров, разгромлены десятки банд, задержаны сотни валютчиков, спекулянтов, саботажников; были найдены и возвращены государству похищенные из ряда дворцов и музеев многие предметы старины, картины, фарфор, ювелирные изделия...)

— Я вас хочу ознакомить с содержанием одного письма, — продолжал Урицкий. — Вот что автор нам пишет: «По имеющимся сведениям, у гражданина Громова С. А., проживающего по Новочеркасскому проспекту, 12, находится коллекция картин и старинный фарфор, похищенный из музея. Прошу это проверить...» И подпись: «Дзержинский». Думаю, этот молчаливый укор Феликса Эдмундовича мы разделим поровну. Теперь далее. Я просил уважаемого Гришу Кавуна тщательно просмотреть картотеку...

— Я её просмотрел,— подал голос Кавун,— и нашу, и старую — уголовной полиции. Не значатся там люди с такими приметами... Да и что это за приметы: один высокий, другой рябой... Вон, тесть у Прохорова тоже рябой...

Прохоров деликатно кашлянул, все посмотрели в его сторону.

— Ну, хорошо,— сказал Урицкий,— тесть Прохорова — это тесть Прохорова. Оставим его в стороне... Все могут идти, а вы, Гриша, и вы, Николай Гаврилович, пожалуйста, останьтесь...

Когда все разошлись, Прохоров и Кавун пересели поближе к Урицкому.

— Про историю с коллекцией картин, я полагаю, вы уже знаете? — спросил Урицкий Прохорова.

— Знаю,— кивнул тот.— Но ведь Григорий всё-таки картины нашёл.

— Нашёл. А вот здесь мы пока ничего не нашли...— Урицкий раскрыл папку, которую по его просьбе подготовил Прохоров. Были в этой папке и два дела, которые расследовал Кавун.

— Я тут, Моисей Соломонович,— негромко сказал Прохоров,— ездил вчера по вызову... Одного нашего товарища на Обводном убили... Визжачёв его фамилия...

— Визжачёв? — переспросил Урицкий.

У него была отличная память на имена, лица, фамилии, но сейчас он вынужден был признать, что такой фамилии не помнит.

— Да нет, вы и не вспоминайте,— махнул рукой Прохоров,— я уже проверил. И ребята по моей просьбе проверяли. Нет у нас в ЧК сотрудника с такой фамилией. Да и по фотографиям никто не опознал...

— Погодите, погодите, Коля,— остановил его Урицкий,— откуда вы взяли, что убитый работал у нас, в ЧК?

— Я с братом его говорил. И вчера говорил, и сегодня. Брат-то ведь знает. Он, между прочим, в милиции работает. И документы Визжачёва видел... Но при убитом никаких документов не оказалось...

— Загадочная история с утечкой служебных бланков продолжается,— заметил Кавун.— Сначала — эта пятёрка, теперь — Визжачёв. Похоже, мы не можем навести порядка даже в собственном доме.

Урицкий укоризненно посмотрел на него:

— Вот вы, Гриша, этим и займитесь. Если бланки удостоверений и ордера на обыски были настоящими, а я полагаю, они были настоящими, поддельными могли быть только подписи и печать, выясните путь этих бланков из типографии к нам. Визжачёв... — задумчиво повторил он, — а ведь с появлением этого человека... Вот о чём я хочу вас спросить: реально ли, чтобы пятеро уже знакомых нам (заочно!) бандитов плюс неизвестный нам и, допустим, им Визжачёв одновременно надумали и сумели заполучить в свои руки бланки ЧК? Визжачёв что, был кустарь-одиночка?

— Нет,— подал голос Прохоров,— Визжачёв был не один. Бешмякин видел его на Измайловском за работой: Визжачёв был с четырьмя сообщниками...

Кавун и Урицкий удивлённо посмотрели на Прохорова.

— Какой номер дома? — спросил Кавун.

— Двадцать девять.

— А почему в деле об ограблении на Измайловском, двадцать девять, нет показаний свидетеля Бешмякина? — спросил Урицкий.



— А он не знал, что это ограбление,— защищая Бешмякина, сказал Прохоров.— Это мы с вами знаем. Он, как и положено, проверил документы. Документы оказались в порядке... А спустя четыре дня он опознал труп Визжачёва.

Урицкий посмотрел на Кавуна:

— Ведь это вы занимаетесь делом на Измайловском, двадцать девять?..

— Я,— ответил Кавун.— Но фигура Визжачёва выплыла для меня только сегодня... В деле фигурируют трое военных и два гражданских. А это никак не указывает на Визжачёва. Правда, дом-

работница видела у подъезда автомобиль и даже разговаривала с одним из гражданских — обладателем, как выразилась она, «фасонистого» голоса: по голосу — чистый артист. Но это опять же никак не указывает на Визжачёва...

— Бешмякин тоже говорил про автомобиль, — заметил Прохоров.

Кавун с укоризной покосился на Прохорова.

— М-да, — сказал Урицкий, — а труп-то всплыл три дня назад... Ну что ж, по крайней мере ясно, что Визжачёв — это не кустарь-одиночка... — Урицкий задумался, затем вытащил из папки листочек бумаги. — Вчера вечером на досуге я занимался тут чертёжными работами... Посмотрите, что получается... — И он положил на стол перед Кавуном и Прохоровым разграфлённый листочек.

На листочке рукой Урицкого были написаны фамилии потерпевших, затем шли приметы преступников, рядом стояли даты. 15 июля. Датчанин. Сообщение о трёх военных и одном гражданском с плохим(?) лицом. Уехали на автомобиле.

18 июля. Германский подданный. Трое военных с прекрасной выправкой и один штатский канцелярского вида. Уехали на автомобиле.

22 июля. Бывший таможенный инспектор (Измайловский, 29). Трое военных и один штатский с хорошо поставленным актёрским голосом. Уехали на автомобиле.

24 июля. Шведский подданный. Трое военных и один штатский с бархатым голосом. Уехали на автомобиле.

25 июля. Бывший управляющий конфетной фабрикой (Шпалерная, 3). Называет рябого. Сведений о военных и автомобиле нет.

— Ну-с, что вы на всё это скажете? — спросил Урицкий.

— Что люди они серьёзные, располагают автомобилем и не работают по мелочам, — сказал Кавун.

— А где автомобиль? — спросил вдруг Прохоров.

— Какой автомобиль? — удивился Кавун.

— Вот, — сказал Прохоров, — они везде уезжали на автомобиле, а тут... — он ткнул в карамельного фабриканта... — сведений никаких нет. Почему?

— Вот я и думаю: почему? — сказал Урицкий.

— Бензин кончился, — сказал Кавун. — Или с мотором что-нибудь случилось...

— С мотором? — переспросил Урицкий. — А вас не удивляет, Гриша, что там, где нет военных, нет и автомобиля?.. Вас не удивляет, Гриша, что на Шпалерной фабриканта навестил только рябой?

— Удивляет, — вынужден был признать Кавун. — Хотя Визжачёв с военными могли стоять у подъезда. Вероятно, так оно и было. Потому что золото есть золото, а бандиты есть бандиты: они должны были сторожить друг друга...

— Значит, Визжачёв, если он там был, сторожил рябого, — сказал Урицкий, — а военные с автомобилем, которого, кстати, в тот раз не было, сторожили Визжачёва?

— Они ничего об этом не знали? — удивился Кавун.

— Это был самовольный налёт, без ведома остальной банды, — всё так же тихо продолжал Прохоров. — А что там, кстати, Моисей Соломонович, было изъято?

— Восемь килограммов золота, — заглянув в папку, сказал Урицкий.

— Восемь с половиной,— уточнил Кавун.— Старик прислал потом дополнительный список: два портсигара, подсвечник... Но, я думаю, этих вещей они у него не брали. Это он сообщил так, на всякий случай... Ибо, как пишет он, не о золоте я скорблю, а об истине...

— Если Визжачёв был с рябым,— продолжал Прохоров,— значит, они не поделили, и Визжачёв оказался в канале...

— Мне вот что неясно,— сказал Урицкий.— Допустим, они были вдвоём. Первое: они наверняка знали, что на Шпалерной их ожидает тайник с золотом. Потерпевший утверждает, что видел рябого впервые. Однако тот моментально нашёл стариковский тайник. Второе: может быть, именно Визжачёв знал дорогу к золоту и именно поэтому не вошёл в дом? Возьмите, Гриша, фото Визжачёва и отправляйтесь к старику... А вы, Николай Гаврилович, позвоните Бешмякину. Выясните возможные связи Визжачёва с карамельным фабрикантом... И ещё: какой голос был у Визжачёва? Если бархатный, как сообщает нам шведский подданный, или актёрский, как утверждает бывший таможенный инспектор с Измайловского, значит, нам не нужно будет искать другого...

Кавун и Прохоров поднялись было, но Урицкий задержал их:

— А ну-ка, Пинкертон и Холмс, попробуйте растолковать выражение «плохое лицо». Это из показаний датчанина... Засаекаю время!..

— Мрачный,— сказал Кавун.

— Малопривлекательный,— сказал Прохоров.

— Некрасивый. Рябой? — вдруг спросил Кавун.

— Рябой,— кивнул Урицкий.— Датчанин просто не знал этого русского слова, а показания свои из любезности давал по-русски. А впрочем, это теперь уже неважно...

Кавун разговор с управляющим отложил на утро, чтобы не волновать старика.

И Прохоров тоже перенёс свой визит к Бешмякину на следующий день.

28 июля 1918 года

Мама милиционера Бешмякина ушла на базар — менять кофту на мыло. Потому что, по её словам, кофта зимой ей не понадобится, а мыло не купить ни за какие деньги ни зимой, ни летом.

Оставшись один, Вася сначала допил остатки чая (без сахара, правда: сахар кончился), а потом принялся рассматривать свой вновь прохудившийся ботинок.

За этим занятием и застал Васю сотрудник ЧК Прохоров.

Его провела к Васиной комнате соседка, а то бы Прохоров заблудился в коммунальном коридоре.

Соседка ушла, и Прохоров осторожно опустился на предложенный вежливым Васей стул. Для своего возраста Прохоров был несколько грузноват. Это ещё тогда, на Обводном, заметил Вася.

— Это ничего,— спросил Бешмякин,— если я буду чинить ботинок?

— Ничего,— сказал Прохоров.

И в комнате на некоторое время воцарилась тишина. Бешмякин занялся ботинком, гадая про себя, зачем опять пожаловал к нему сотрудник ЧК Прохоров, ведь, кажется, всё ясно, а Прохоров молча наблюдает за его работой.

— Скажите,— вдруг сказал он,— а вы хорошо знали Визжачёва?

Такое начало несказанно удивило Васю.

Он полагал, что ЧК тоже знает своих сотрудников. Тем более, что первые необходимые сведения о пострадавшем Бешмякин уже дал, даже дважды: сначала — там, на Обводном канале, а затем у себя — в отделении милиции. Значит, этих сведений оказалось недостаточно?

Вася отложил ботинок.

— Да нет, — сказал Прохоров, — вы работайте, работайте...

— Ну, что значит хорошо или плохо? — сказал Вася. — Знал. Всё-таки это был мой брат. Хотя и четвероюродный. Особенно-то мы не дружили...

— Почему? — спросил Прохоров.

— Ну, во-первых, он старше меня на четыре года... А во-вторых, он раньше меня начал жить самостоятельно...

И, полагая, что Прохорова могут заинтересовать даже детские годы героя, издалёка начал:

— В детские годы...

— О детских годах не надо, — остановил его Прохоров. — Давайте сразу перейдём к юности, а потом — к зрелым годам. Так будет легче.

Вася опять удивился, потому что биография человека, по его твёрдому мнению, не могла начаться сразу с юности — она начиналась гораздо раньше, но если Прохоров считает, что надо с юности, пусть будет так.

— Какое-то время, может, год, а может, два, Аполлон учился в коммерческом училище. Благотель туда его устроил...

— Какой благотель? — не понял Прохоров.

— Управляющий конфетной фабрики. Ну, а потом Аполлон работал конторщиком...

— Где? На той же фабрике? — наблюдая за ровными стежками драгвы, спросил Прохоров.

— Угу. Петергофское шоссе, пять. Знаете?

Прохоров кивнул.

— Ну, а после революции...

— Об этом я уже знаю, об этом вы уже говорили, — остановил Прохоров. — Меня интересует, какой у него был голос?..

— У кого? — не совсем понял Вася.

— У Визжачёва. Тенор? Бас?

Вася смеялся.

— Ну, если вас это интересует, то, действительно, до революции он пел в церковном хоре... по настоянию благотеля. Тот церковное пение любил. Но, чтобы верить в бога... — Вася отрицательно покрутил головой.

— Вы меня не так поняли, — сказал Прохоров. — Я только спросил: какой у него был голос?

— Ну, мягкий, — подумав, сказал Вася.

— Бархатный, что ли?

— Можно сказать, что бархатный...

— А его напарник? В прошлый раз говорили...

— Рябой, что ли?..

— Рябой. У него что, действительно были какие-нибудь отметины на лице?

— Ну, — сказал Вася, — конечно, он не совсем рябой, но отметины были... — Вася вдруг остановился и замолчал. — А вы что, думаете, это он Аполлона...



Прохоров вздохнул:

— Не могу этого утверждать, Василий Евграфович, но некоторые обстоятельства с тех пор изменились...

— Почему? — удивился Вася.

— Во-первых, потому что убийством Визжачёва.... а это именно убийство... занимаюсь не только я, но и председатель ЧК Урицкий... Вася кивнул, одобряя такое.

— А во-вторых... Ботинок, я вижу, вы уже починили...

— Починил, — сказал Вася.

— А в-третьих, ваш родственник, Аполлон Иванович Визжачёв, никогда у нас в ЧК не работал...

— То есть как?.. А где он работал? — беспомощно спросил Вася.

— Эх, Василий Евграфович, Василий Евграфович, — сказал Прохоров, — если бы мы знали... А за остальное спасибо. Особенно, за конфетную фабрику и за голос...

И пошёл.

А ошеломлённый всем этим Бешмякин ещё долго смотрел Прохорову вслед.

29 июля. Кафе «Альянс»

Молодой милиционер Василий Бешмякин рассуждал примерно так: если в «Альянс» собираются, по сведениям начальника райотдела милиции, бандиты, то они там собираются и сейчас: вроде бы никто их в последнее время не пугал; Аполлон и рябой — бандиты, значит, они тоже могли бывать в кафе «Альянс»; что говорит за это? Встретил их Вася впервые неподалёку от кафе, на Измайловском, убит Визжачёв неподалёку от Измайловского, на Обводном. Почему бы сейчас рябому не сидеть в кафе и не пить спокойно буржуйский шоколад?

В кафе Бешмякин появился к вечеру, получив на этот раз у начальника райотдела не обычную свою винтовку, а наган. Правда, товарищ Грошиков не знал о главной цели похода Бешмякина, а Бешмякин ему эту цель не сообщил. Он просто убедительно доказал, что заходить вечером с винтовкой в кафе, где отдыхают и веселятся люди, неудобно.

— Я вижу, — удовлетворённо сказал товарищ Грошиков, — ты всё больше и больше приобщаешься к нашей нелёгкой милицмейской службе. Насчёт винтовки ты абсолютно прав: повернулся неловко — и сбил прикладом тарелку или стакан. А это, ты сам понимаешь, не делает тебе чести как милиционеру... — Тут товарищ Грошиков полез в сейф и вытащил для Васи гораздо более удобное оружие. — Распишись в получении...

Бешмякину повезло: едва вошёл он в кафе — почти сразу увидел рябого. Тот сидел за столиком один. И, как показалось издали Васе, действительно пил буржуйский шоколад.

Бешмякин уверенным шагом направился к нему.

— Пройдёмте, — как можно вежливее сказал рябому Вася.

И тут получилось непонятное.

Рябой ударил Васю сначала в живот, а затем по голове и, наступив на осевшего Бешмякина, ринулся к выходу.

В кафе сразу все закричали.

Васе показалось, что он тоже закричал.

Очнулся он в знакомом кабинете хозяина «Альянса». Над Васей хлопотал испуганный сотрудник ЧК Прохоров.

— Убежал гад? — делая попытку встать, сказал Вася.

Прохоров замахал на него руками:

— Вернулся, вернулся... Мы его вернули...— И, сунув Васе под нос ватку с нашатырным спиртом, добавил: — Кто же вас просил, Василий Евграфович, этим заниматься?

— Я по должности...— чихнул от нашатыря Вася.

— «По должности»,— передразнил его Прохоров.

Он помог Васе встать и отвёз домой, сдав на руки перепуганной Васиной маме.

Потом уже Вася вспомнил, что шли они по пустому кафе, тогда как в самом начале кафе было полным. Значит, посетители разбежались.

Послесловие

Через два месяца дела службы вновь столкнули молодого милиционера Василия Бешмякина и сотрудника ЧК Прохорова.

Встретились они, как старые знакомые.

Только теперь вопросы задавал Вася.

— Товарищ Прохоров,— задал свой первый вопрос Вася,— а тех военных-то вы нашли?

— Нашли,— улыбнулся Прохоров.

— Через рябого? — догадался Бешмякин.

— Через рябого,— сказал Прохоров.

— Значит, всё награбленное владельцы получили обратно...

— Кто получил, а кто нет,— сказал Прохоров.— Кое-что нам самим пришлось компенсировать.

— А кто же всё-таки убил...

— Визжачёва? Рябой. И, знаете, Василий Евграфович, из-за чего? Они не поделили тайник. Вернее, золото из тайника. Вам ничего не говорит фамилия Страстотерпцев?

— Ну как же,— сказал Вася.— Кумир тётки. Благодетель и крёстный отец Аполлона.

— Так вот,— сказал Прохоров,— Визжачёв своего благодетеля отблагодарил: навёл рябого на тайник, который сам в своё время помогал старику оборудовать...

— Ясно,— сказал Бешмякин.

— Не совсем,— сказал Прохоров.— Это только часть истории. Ведь пятёрка бандитов-экспроприаторов была всего лишь одним звеном в хорошо законспирированной контрреволюционной организации. Сама-то организация готовила переворот. И оружие у них было, и деньги, они даже ответственные посты между собой уже распределили: кому, значит, быть премьером, а кому заведовать телеграфом... Моисей Соломонович Урицкий шутя потом сказал:

«Это вы с Бешмякиным им помешали...»

Прохоров стал прощаться.

— Да,— вдруг виновато и смущённо сказал он,— совсем забыл. Ведь Моисей Соломонович просил тогда передать вам большой привет и благодарность...

— Что же вы не передали? — тихо спросил Бешмякин.

— Не успел. Ведь через три дня его убили. А потом — не до того было,— махнул рукой Прохоров и, не оглядываясь, ушёл.

М. С. Урицкий был убит эсером-террористом 30 августа 1918 года.

Моёкалка

Сад, лужайка и качели,
Кукла, мячик и ружьё,
Это всё, ребята, наше,
А она твердит:

— Моё.

Мы спросили:

— Ты-то чья?

Отвечает:

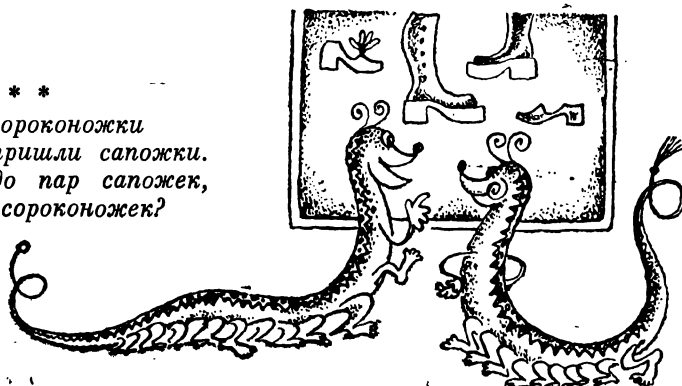
— Я — моя.



Сколько весит тонн тригон?
Три или полтонны?
Почему не тонет он,
Если в нём три тонны?!



Две босых сороконожки
Покупать пришли сапожки.
Сколько надо пар сапожек,
Чтоб обусть сороконожек?





МОЙ СТАРЫЙ ДОМ

Когда мы уже построились, из своей раздевалки стали выходить девочки. Поля вышла в числе последних. Никто из них меня не заметил. Мы повернулись по команде физрука и побежали по залу. Тапок у меня не было, и я бежал в носках. Сначала я бежал позади Пеки, стараясь правильно взять дыхание. А потом, на третьем кругу, я подумал: на чёрта мне правильно брать дыхание и вообще — зачем я бегу? Письма всё ещё нет, на меня кто-то наговорил, штраф, может быть, не сегодня-завтра прищлют, а я бегу. Да ещё стараюсь правильно взять дыхание. Всё это было очень нелепо.

Когда мы разделились на две группы и выстроились друг против друга, я стал смотреть на Полю. Но

первой меня увидела Куркина. Она закричала:

— А Скачков-то почему здесь? Смотрите, Скачков пришёл!..

— Молчи, Куркина! — сказал Дубарев.

Тут Поля меня и увидела. Она тоже слегка удивилась. Но мне показалось, что она и обрадовалась. Даже когда она без галстука, всё равно видно, что она настоящая пионерка.

Мне сразу стало полегче. Мы разомкнулись и стали выполнять упражнения. Я понимал, что вид у меня далеко не спортивный, но зато я приосанился. Я взглянул на Тентелева — он тоже очень старался.

Дубарев вдруг зашептал мне слева:

— А четвёртым уроком у нас Заковыка...

Сказал и застыл, будто замечтался. Ему сделали замечание. Дубареву на всех уроках делают замечания. Пека, наверно, услышал, о чём

Окончание. Начало в «Искрке» № 1.

сказал мне Дубарев, потому что когда мы делали поворот корпуса с разводом рук в стороны, он выпятил грудь и прошептал:

— Ты уж не уходи, Саня...

Дубарев с Пекой сбились со счёта, так они, видно, разволновались, вспомнив Заковыку. Физрук повысил на них голос. Он вообще редко его повышает. Физрук у нас хороший, молодой. Но по фамилиям он знает только тех, кто у него занимается в спортивных секциях. Когда мы сомкнулись, Дубарев зашептал:

— Наша судьба в твоих руках, Саня! Другой такой возможности не будет.

Пека ему помогал:

— Прочти его, а, Саня! Чего тебе стоит.

Дубарев сказал:

— Отомсти за наши двойки! Ведь он нас пересиливает!

Так они наседали на меня с двух сторон, а я всё представлял себе, как будет весело, окажись я на уроке математики рядом с Заковыкой. И я дал согласие.

Потом мы учились делать стойку на голове. Когда я вышел на стойку, физрук оживлённо сказал:

— Так, хорошо! Ноги вместе, носки оттягивай! Оттягивай носки!

И тут, стоя вниз головой, я снова подумал: зачем мне всё это нужно — стоять вниз головой да ещё носки оттягивать. И в ту же секунду я рухнул вниз. Но всё равно физрук меня похвалил.

Пока я делал стойку, все ребята уже узнали, что я собираюсь отомстить Заковыке, рассчитаться с ним за все двойки и замечания. Отступать было некуда. Девчонки поглядывали на меня с уважением, всё время шептались и посмеивались. И был такой момент, когда все ребята, сидевшие на скамье, вдруг зашептались, задёргались, даже освобождённые заводновались на своей штрафной скамейке — до них тоже дошло. Вот что я наделал.

Физрук скомандовал:

— Встать!

Все встали, опомнились.

— Садись.

Я сел и стал вспоминать что-нибудь такое из своих отношений с Заковыкой, что бы меня могло хорошенько разозлить. Я вспомнил, как однажды он мне сказал: «Сначков, вот будешь толкаться, я тебя так толкну, что в стенку влетишь, родители придут, две недели выковыривать будут». Но ведь это была шутка. Я и правда в тот раз выталкивал Михеева с парты. Нет, всё-таки настоящего зла на Заковыку у меня не было. Я подумал: ну кто может сказать, что я здесь чужой? Сейчас я был в классе самым нужным и своим человеком.

Когда прозвенел звонок, мы пошли в раздевалку. Вдруг подошёл физрук и загородил мне дорогу. В руках у него была шариковая ручка и блокнот.

— Послушай, — сказал он, — как твоя фамилия?

Вот оно, начинается. Я покраснел.

— А зачем?..

— Как ты помотришь, если я запишу тебя в секцию? Мы занимаемся по четвергам. Из тебя может



получиться гимнаст, у тебя есть пресс.— И он ткнул мне шариковой ручкой в живот.— Во всяком случае, третий юношеский разряд я тебе гарантирую.

Я стоял перед ним и молчал.

— Чудак, ну чего ты так покраснел?

И вот такая бессмыслица вышла: я кивнул головой и назвал свою фамилию.

КАКОЙ У НАС ЗАКОВЫКА

На перемене все меня окружили, точно боялись, что я могу убежать. А я никуда не собирался убежать. Но всё же я не знал, что буду на математике делать, как отомцу Заковыке. Все советы и пожелания были, по-моему, глупые.

Дубарев, например, хотел, чтобы я сел за учительский стол и, когда войдёт Заковыка, повернулся к нему и сказал: «Заковыка, идите домой и приведите в школу своих родителей». Но это было слишком. Я бы такого ему никогда не сказал. Михеев предлагал забраться под стол и дёргать Заковыку за ноги. Палён хотел, чтобы я встал на четвереньки и лаял на Заковыку собакой.

Всё это была ерунда. Чего это я буду лаять. Пусть сам лает. В конце концов мы решили, что урок начнётся в полной тишине, прямо-таки гробовой тишине, а потом среди этой тишины вдруг раздаётся мой дикий смех. Он послужит как бы сигналом. По этому сигналу все начнут кукарекать, лаять, мычать, блеять, мяукать. Кто что умеет.

Дубарев кричал:

— Не смотрите в его сторону! Не смотрите в его сторону!

Но когда Заковыка вошёл, все, как нарочно, посмотрели в мою сторону. Вот нетерпенье какое!

Заковыка внимательно нас оглядел. На меня он посмотрел, как и на остальных. Видно, его очень удивило, что так тихо. Он прошёлся несколько раз вдоль доски. Так тихо в классе у него ещё никогда не было.

Дубарев толкает меня в спину:

— Начинай, начинай!..

А чего начинать-то? Дикий смех хорош по какому-нибудь поводу.

Смех без причины — это каждый знает, чей признак.

Заковыка постоял, покачался, глядя на нас. Потом говорит:

— Ну что ж, я согласен. Повоевали, и будет. Мне эта война вот где сидела. Что ж, я понимаю, в чём-то и я ошибался насчёт вас. Надо бы нам лучше познакомиться, я думаю, мы в воскресенье за грибами съездим, а? Нет возражений?..

Дубарев меня тычет сзади: начинай да начинай.

А чего начинать-то? Человек за грибами приглашает, чего ж тут смешного? Тут не только дико, а и просто смеяться нечего.

Заковыка спрашивает:

— У тебя возражение, Дубарев?

Он говорит:

— Не-ет...— А мне: — Дурак, всё испортил!..

А Заковыка всё рассказывает и рассказывает по классу.

— Теперь вопрос — куда? У кого предложения?

Кто-то сказал:

— На Карельский!

— Можно и на Карельский,— сказал Заковыка,— но что-то мне там не нравятся грибы. Слишком они суховаты, а, не так? Обезвоженные они какие-то и обесцвеченные. Ну что на Карельском за подосиновик? Бледная охра. А надо, чтобы подосиновик горел, как апельсин! Чтобы как солнышко полыхал! Чтобы его за версту было видно. Идёшь по высокой траве — и вдруг будто по глазам ударит! Ярко, даже зажмуришься!.. У кого так было?

Сумин вдруг поднял руку:

— У меня! Я один раз на такую поляну вышел! Штук двадцать их там было, оглянешься — а вон ещё один! Оглянешься — а вон ещё один.

— Вот это и есть счастье грибника,— сказал Заковыка.

Палён сказал:

— Знаете, где растут хорошие подосиновики? На станции Вруда! У меня сосед который год туда ездит, а нас не берёт! Вот бы его места разведать!

Все засмеялись, но никто и не думал блеять или кукарекать.

— По Балтийской дороге места хорошие,— сказал Заковыка,— но там всё больше еловые леса. А сейчас бы хорошо в лиственный лес, но там, учтите, может быть сыро, а как у вас с обувью?

Тут уж почти все заговорили.

— Сапоги надел, да и всё!

— Можно запасные кеды взять!

— Нужно выезжать с вечера!

— Зачем с вечера, сейчас в лесу ночью холодно, там такого дуба дашь, просто надо на первую электричку!

— На первую! Думаешь, мы одни желающие?

Тентелев сказал:

— Тихе! Если уж ехать, так на два дня! Вот если согласны в Лугу, то можно у нас переночевать, там у нас дача. Сварить можно чего-нибудь.

Все закричали:

— В Лугу! В Лугу!

— А родители не будут возражать? — спросил Заковыка.

— А пускай отец с нами поедет!

— Поговори с отцом. Ну, хорошо. А сейчас знаете что...

Все усталились на Заковыку. Дубарев шепчет мне:

— Вот что наделал! Да начинай же ты! Ведь обещал!

Вот, думаю, какой у нас Дубарев настырный. Чужими руками хочет жар загребать.

— А сейчас,— говорит Заковыка,— давайте решим несколько задач про грибы. Кто хочет добровольно пойти к доске?

Ну, такого у нас еще не было на математике, чтобы добровольно. Дайка, думаю, пойду попробую. И поднял руку. Дубарев, наверное, подумал, что это я сигнал подаю. Как заикается!

Все засмеялись. Заковыка тоже засмеялся и говорит:

— Это Дубарев, наверное, вздремнул, и ему приснилось, что мы уже за город приехали, да, Дубарев?

ОНА ГОВОРИТ: ТЫ МОЛОДЕЦ!

На перемене Дубарев подходит ко мне и говорит:

— Скачков, это как называется?

— Это? — спрашиваю. — Это окно.

— Нет, не это.

— Это? Дверь.

Тут Поля подходит, а с ней ещё несколько девочек. Она говорит:

— Саня, ты молодец, что помирил нас с Заковыкой. Ты поедешь с нами в лес за грибами?

Тут и Михеев набегает, и Пека, и другие ребята.

Я говорю:

— Вы тут постойте, не ходите, нам нужно с Дубаревым договорить. Пойдём, Дубарев.

Он не ожидал, что я его отзову от всех. А я его увёл на лестницу и говорю:

— Дубарев, ты очень любишь загребать жар чужими руками! Значит, свой авторитет бережёшь, а на мой тебе наплевать, да? Я бы, может, и отомстил бы за ваши двойки, если б не лодка.

— Какая лодка? — спрашивает Дубарев.

— Нечего притворяться. Которую ты увёл.

— Я?

— Да! А моим именем назвался. Ты же сам сказал, что тебе ничего не стоит. Теперь я вижу, какой ты, Дубарев. Ну вот что, давай договоримся, я никому не скажу, а ты сам пойдёшь в ЖЭК. Скажешь Марии Михайловне, пусть штраф на тебя оформляют.

— Да за что штраф? — испугался Дубарев.

— За весло, вот за что. И хватит притворяться.

— Да ты что, какое весло! Не брал я ничего! Штраф-то зачем? Я лодки-то этой не видел. Какая она хоть, лодка?

— Какая да какое! Поклянись, что не брал.

— Клянусь! Честное пионерское. Да ты что, Саня?

А я давно уже верил Дубареву.



НИКТО НИЧЕГО НЕ БРАЛ

Из школы мы шли через сквер. По бокам дорожки лежали жёлтые листья, и Дубарев поддавал их ногами. Тут все наши были: и Пека, и Козлик, и Палён, и Михеев, и Тентелев. Все говорили про то, как мы поедem в воскресенье в лес, за грибами. Только Тентелев молчал. Вдруг он говорит:

— Стойте! Стойте все!

И посмотрел на меня. Все остановились, а Дубарев увлёкся, всё шёл да шуршал листьями, раскидывая их в разные стороны.

— Дубарев, и тебя касается!

Дубарев оглянулся и подбежал к нам. Я сразу понял, о чём будет говорить Тентелев — глаза его зло посвёркивали, он то и дело поглядывал на меня.

— Что, анекдот? — спросил Дубарев.

— Клади портфели! — скомандовал Тентелев.

Никто ему никогда не подчинялся, а тут все подчинились — положили портфели на край газона и встали в кружок.

Я сказал:

— Кончай, Тентелев.

— погоди, — сказал он и положил мне руку на плечо. — Вот все слушайте: кто-то его предал.

— Это не я, — сказал Дубарев.

— А я и не говорю, что ты. Я говорю: кто-то. Ведь на него теперь штраф оформляют! Выходит, если завтра, я перееду, или ты, или ты, то можно нас предавать?

Я стоял, опустив глаза в землю. Стыдно мне было, стыдно. Почему-то больше других я стыдился Тентелева.

Он сказал:

— Ведь вы с ним все дружили. Один я с ним не дружил. Может, вы все на меня думаете? Скачков, ведь ты на меня думал, верно. Скачков?

— А он и на меня думал, верно, Скачков? — сказал Дубарев. — Он на всех думает!

— Тут я не выдержал:

— Вас это не касается! Это меня одного касается!

Пека сказал:

— Нет, так дело не пойдёт. Тентелев прав, чего это мы бросили Саню на произвол судьбы? Ты что предлагаешь, Тентелев?

— А вот что. Все вместе пойдём на лодочную станцию. Там есть директор, который на Скачкова письмо написал. Мы объясним ему всё и предъявим наши физиономии. Кто, может, не согласен?

— Согласны, согласны!

На всех вдруг нашло весёлое возбуждение. Круг распался. Пека стал подбрасывать свой портфель. Дубарев взбежал на газон и стал осыпать себя листьями.

— Веди нас, Тентелев!

Все нетерпеливо рвались вперёд, а я плёлся за ними.

Да что ж это они? Куда? Да ведь я не хочу! Пусть остановятся. Останови их, Тентелев! Стыдно мне, понимаете, стыдно. Не надо ничего, я сам...

Я повернулся и пошёл в другую сторону.

— Куда это он? — закричали все. — Скачков, ты куда?

Они догнали меня. Я глаз не мог поднять ни на кого.

— Ты чего это, Саня?

— Не надо, — сказал я. — Никто ничего не брал. Это я сам угнал лодку.

В ОДНОМЕСТНОМ КУПЕ

Я зашёл в телефонную будку, чтобы позвонить Тентелеву. Уже набрал номер, но потом передумал. Зачем мне ему звонить? Просто бесполезно. Ни говорить, ни видеть никого не хочу. Ни мальчиков, ни девочек. Ни тётъ, ни дядь. Лучше я посижу в будке. А почему нельзя? Очень хорошо здесь сидеть. Я никого не замечаю, даже ни на кого не смотрю. Мне просто не видно. Стекло чуть повыше моих глаз.

Дверь вдруг открылась. Эй, кто это открывает дверь на ходу да ещё без стука?

— Тут сидят, — сказали надо мной. — Эй, чего сидишь? Занято, что ли, у тебя?

Я говорю:

— Занято, занято.

Дверь закрылась. И вот я еду, еду. В одноместном купе. Вдруг дверь так бесцеремонно распахивают, как будто это не купе, а какая-то телефонная будка, и надо мной возникает дядя в шляпе.

Он говорит:

— Ты чего это тут расселся, как царь на именинах? Может, ты на трубку телефонную прицелился? Так это мы мигом! Ну-ка вылезай, вылезай!

Ну вылез. Какую-то трубку. Стою рядом. Какую трубку, дядя? Сами вы трубка.

Дядя в шляпе опустил монетку, кричит: «Алё, алё!» А потом как трахнет по автомату! Кулачище у него здоровый, волосатый, а он: трах-тах-тара-рах! Даже стёкла в будке трясутся. Ну что вы, дядя! Так ведь и расплющить недолго. Так и диск отвалится. Так и буквы посыплются: а-б-в-г-д... «Алё, алё!» — кричит дядя, а потом как плюнет в трубку. Ну кто же так поступает. Высунул свою шляпу в дверь и кричит мне:

— Это ты засорение устроил, да? А вот я сейчас милицию вызову! Я без монетки вызову! — И снова колотит по автомату. Ну кто ж так вызывает?

Не буду, думаю, стоять около дяди. Дядя нехороший. Пойди пойми, что у него в следующую минуту произойдёт. Может, каблук отвалится. Может, шляпа слетит и прямо под машину. А я буду виноват. Не люблю я таких подозрительных. Прощай, дядя.

Зашёл я за угол. Отсюда хорошо видно, как почтальон пойдёт к нашему дому. У нас почтальон ходит так, так и так. Потом в парадную номер один, из парадной — во двор чёрным ходом, а уж во дворе как начнёт бегать. К нам он заходит в третью очередь.

Я встал у входа в магазин. Как будто жду маму, тут никто не придёт. Мама за рыбой стоит, за щукой, а я жду. Я — пай-мальчик. Я без мамы никуда не могу отойти, вот потому и стою. Когда другие стоят и ждут маму, я ни о ком ничего плохого не думаю. А вот сам стою, и мне кажется, что все на меня обращают внимание и в чём-то подозревают. Скорей, мама! Сейчас щуку — ку-ку! — купим и домой пойдём. Я щуку возьму под мышку и понесу, как батон. Нет, я на щуку буду опираться, как на трость. Нет, я щуку на верёвочке поведу. Мы с мамой идём, а рядом — щука.

Эх, я весёлый, правда, я какой весёлый? Что только не лезет в голову.

БЕЗМОЗГЛАЯ СОБАКА

К витрине коляску подвезли. К ней наклонились, что-то поправили и оставили. Ушли за рыбой. Идите, идите, я ведь здесь. А раз я здесь, то всё в порядке.

Кто это там в коляске сидит? Кто это сидит и сопит? Может, свистулька такая? Может, паровозик? Батюшки, да это же мой знакомый! Мой знакомый ребёныш сидит! С ручками, с ножками. А как зовут, никто, кроме мамы, не знает. Может, Витя, может, Коля, может, Игорёк. А ему всё равно, кто он. Его хоть повзрешкой назови, он всё равно обрадуется. Ему что приятно, что глазкам светло, что всё кругом видно. А раз видно, то и хорошо. Вот он смотрит на небо — а оно синее. Вот он посмотрит на листья — а они жёлтые. Разве ж это нехорошо? Ведь это красиво!

И дышится легко. И языку вкусно. И ручкам свободно. Хап, хап! Всё бы им хапать, до всего дотронуться. Грудники ещё любят, когда сухо. Когда мокро, они пищат. Ну и правильно! Кому это понравится, когда мокро. У моего знакомого всё в порядке. Весёлый такой малыш. Вроде меня. Радует, что родился. Ещё бы! Родиться лучше, чем не родиться. Вот лежит он в коляске возле магазина. Тут рыбу продают. Там

арбузы. Там трамваи ходят, как красные гусеницы. В небе облака плывут. У моста милиционер свистит. Всё хорошо. Что есть, то и хорошо.

А так кто бы он был? Никто. Где бы он был? Нигде. Никто, нигде. Я этих «никто» и «нигде» совсем не понимаю. Как будто я дубина какая-то. До этого момента понимаю, а потом — как отрубил. Как будто у меня дырка в голове.

Ну что смотришь? Рад, что родился? А он: ха-ха-ха!

Ну что ты будешь с ним делать. И я смеюсь. Мы так с ним смеялись, что я даже не заметил, как появилась эта собака. Она была вся из чёрной свисающей шерсти. У неё не было ни глаз, ни зубов, ни ушей, ни лап, а только свисающая сосульками шерсть. Да ещё нос, похожий на блестящую пуговицу. Не собака, а сувенир какой-то. Таких собачек я недолюбиваю. Поговорить не с кем, морды не видать. У них, по-моему, не только морды мало, но и ума. Волос долог, а ум короткий.

Так вот эта безмозглая собака была привязана к водосточной трубе. Рядом с нашей коляской. Сначала она сидела и вертела свою шерсть в разные стороны. Малыш её вовсе не видел, так как она вертелась за его спиной. А потом на другой стороне улицы, возле трамвайной остановки, кто-то залаял. То есть, конечно, не кто-то, а что-то... Нет, я не знаю, как тут правильно сказать: кто-то или что-то. Ну в общем, собака залаяла, совсем другая. Она была с хозяином. Рыжей масти. Разумеется, собака была рыжей масти, а не хозяин.

Она так сильно залаяла, что «наша» чёрная собака вскочила и вся напряглась. Она так натянула поводок, что чуть водосточную трубу не оторвала. И вот она стала бросаться в разные стороны на своём поводке и сильно-сильно лаять. Нет, я понимаю, собакам нужно полаять друг на друга, потому что они ведь не умеют разговаривать. Но пусть бы она полаяла в другом месте, честное

слово. Тут люди ходят. Ребёнок лежит в коляске, чего тут лаять?

Мой грудняк, этот маленький человечек, не то испугался, не то обиделся, что ему не видно, но он вдруг отчаянно заревел. Так заревел, что даже собака обратила внимание. Она на минуточку замолчала, но потом снова стала кидаться и лаять сильнее прежнего. Вот наказание-то, вот невезенье, вот совпадение обстоятельств: тут и грудняк, тут и рыба, и одна собака, и другая, и прохожие. И от всего этого шум получился несусветный: кто кричит, кто лает. Но больше всех — я. Не лаю, разумеется, а кричу больше всех.

— Замолчи! — кричу. — Замолчи сейчас же!

Это я на собаку.

— Успокойся, маленький, сейчас мама придёт!

Это я грудняку.

— Заткнись, говорю! — Это собаке.

— Ну, будь добренький, успокойся. — Это грудняку.

— У, злыдня лохматая, пустила-ка, ау-ау, миленький, да замолчишь ли ты, ну не плачь, не плачь, швабра ты этакая, глупыш неразумный, мочалка негодная, хороший ты мой, дикая твоя образина!...

Так я и кидался — то к собаке, то к грудняку, и крик стоял на весь перекрёсток невообразимый. Прохожие оборачивались, увещевали собаку, а она ещё сильнее лаяла, прямо до хрипоты дошла, до чего разозлилась, а малыш тоже до хрипоты дошёл — так сильно ревел.

Тогда люди закричали:

— Нашли куда собаку привязывать! Никуда не деться от них!

— А детей зачем оставлять? Кто ж детей без присмотра оставляет?

— А куда ж его деть?

— А собаку куда деть?

— А детей?

— А собаку?

Собаку, детей, детей, собаку...

— А если кирпич с крыши свалится?

— А если собака сорвётся?

— А если дом обвалится?

— А если трах-тара-бах?

Собака лает, бросается на прохожих, грудняк заливается в коляске, аж покраснел весь, а они спорят. Чего тут спорить? Всё ясно. Ну, думаю, довели вы меня. Ну спасибо. Сил никаких нет, до чего довели. Это ж разве можно допустить, чтобы так грудняк плакал? Не-ет, это недопустимо. Это просто ни в какие ворота не лезет. Я этого так не оставляю.

Подошёл я к коляске, взялся за ручку и покатил. Малыш ещё немного повсхлипывал и успокоился. А я качу себе коляску по нашей улице. За спиной собака лает, люди переругиваются. Я потряхиваю коляску легонько, качу её вперёд и напеваю: аа-аа-а! аа-аа-а! Даже сам успокоился. Всю жизнь так шёл бы и напевал. Если, конечно, не с пустой коляской, а чтобы в ней человечек лежал. Если б нужно, я бы и бегом её вёз, только бы он не плакал.

А ЧТО Я ТАКОГО СДЕЛАЛ?

Остановился я, чтобы утереть ему влагу, а он, видишь ли, руки ко мне тянет. Чтобы я его взял. Ишь, догадался. Посидеть на руках захотелось. Во все стороны позыркать. Да, да. Любопытство разобрало. Скука замучила. Ну конечно. Одиночество заело. Ишь ты какой.

Он мне улыбнулся, я ему улыбнулся. Я ему пальцем погрозил, а он мне всей пятерней замахал. Сообразительный! И тянет, и тянет лапки свои, коротышки. И вдруг как сморщится! Скорей, значит, скорей! Почему не берёшь, тянешь резину, сейчас как зареву! Э-эх, а ты с характером. Да ты просто молодчина! Мы с тобой поладим.

Только я приготовился его на руки взять, как вижу — бегут. Почему-то люди бегут. По той стороне бегут и по этой. А те, кто не бежит, те останавливаются и смотрят на тех, которые бегут.

— Украли, — кричат, — украли!

— Чего украли?

Ну, думаю, час от часу не легче, чего-то теперь украли. У нас такого ещё не было.

— Ребёнка украли!

— Кто?

— Да вот он, вот!..

Закрутилось всё, завертелось, только что мы были вдвоём, а тут толпа, водоворот, человековерчение!..

— Ах, несчастье какое!

— Ах, счастье какое!

Ничего не поймёшь, что хотят сказать. Галдят кругом, за руки меня хватают... Да зачем за руки-то! Каждый будет хватать...

...Вот видишь, как всё хорошо кончилось!

— Да ты кто такой?

— Кто я?

— Да ты! Чего смотришь? Ты что, ненормальный?

— Я? Нормальный, — отвечаю. — А что?

— Нет, вы слышите, он и в самом деле ненормальный!

— Оставьте его в покое! — кричат из толпы. — Он не виноват. Виновата собака.



— Да ты что ж это наделал?

— Да разве так можно?

Как? Ну как нельзя-то?

— Да зачем он тебе, зачем?

— Поиграл бы и бросил!

Кого бросил? Кого бы я бросил? Ничего не понять.

Кто-то схватил ребёнка. А! Это мать. В одной руке щука, хвостом чуть до панели не достаёт. Мать плачет, слёзы текут рекой, прижимает его к себе, целует, а он доволен, что взяли наконец на руки.

— Какая собака?

— Чёрная.

— При чём тут собака? Собака какая-то. Граждане, была собака? Орут, глазами сверкают, руками и щуками размахивают.

— Где?

— Там! Она была привязана!

— Кто?

— Мать!

— Да замолчите вы! Кто привязал?

— А я говорю, мать виновата!

— Лаять стала!
— Да не мешайте вы своими дурацкими репликами!
— Кто ж детей без присмотра оставляет?

Как без присмотра? А я что, за ним не присмотрел?

В соседнем доме уже окна начали открывать. Машины притормаживают, народ с той стороны улицы, нарушая правила, перебегает.

...Вот что мы с тобой наделали.

— Кто, вот этот? Я его знаю, — сказали в толпе.

Дядя в шляпе. Здравсьте, дядя.

— Он телефон-автомат сломал.

— Когда?

— Давеча.

— Вот видите!

— Кто, я? — кричу. — Да вы сами по нему изо всех сил колотили!

— Замолчи, грубиян. Вместо того чтоб признаться, ты ещё и грубишь. Был бы я твоим отцом, я бы тебя просто выпорол.

Много вы понимаете, дядя.

— Ребёнка украл, автомат сломал, да за такие вещи знаете что полагаются?

— Вы поаккуратней, он сам ещё ребёнок!

— Хорош ребёнок. Что за фантазии!

Малыша тем временем положили в коляску, что-то там поправили, подоткнули и повезли. Щука всё по земле волочилась, оставляя мокрый след.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Многие стали расходиться, но я всё ещё стоял в кольце, и люди вокруг меня спорили.

— Согласитесь, что поступок необъяснимый.

— Ах, оставьте его!

— Ах, бросьте!

Но тут раздался знакомый голос с придыханием:

— Чего к мальчишке привязались, подите все по домам.

— А вы кто такая?

— А я его растила. Он ничего худого не сделает. Пойдём, Саня. Да! А ты на себя погляди! Воротила! У самого нос красный! Нашёл кого обидеть. Иди свою жену обижай.

А нечего младенцев разбрасывать. За одним поглядеть не могут. У меня двое инженерами работают, да один в армии служит. Саня, пойдём, я тебе конфет куплю. И бубликов куплю. А ты их не слушай.

Я говорю:

— Тётя Сима, я его только прокатил.

— Ага, — говорит тётя Сима, — я знаю.

Я говорю:

— Там собака лаяла, чёрная такая собачина, клыкастая!

— Ну конечно, — говорит тётя Сима. — Собака лает, а ветер носит.

— А он как заревёт!

— Кто?

— Ну про кого мы говорим.

— Да бог ведает. А письма-то всё нет?

Я говорю:

— Письмо будет!

— Ага, — говорит тётя Сима.

— Не сегодня, так завтра!

— Ага, — говорит тётя Сима. — Оно уже идёт. Везут его в почтовом вагоне за семью печатями.

Я говорю:

— Там на оленях сначала.

— А как же!

— Ну вот, сначала на оленях, потом на машине, а там уж на поезд или по воздуху.

— Вот-вот, на ковре-самолёте.

— А тут уж рукой подать. Вон почта. А вот наш дом. Так это ведь совсем рядом.

— А ты бы поехал домой, а я бы покараулила. Чуть только письмо забелеет, я на трамвай вскочу и тебе привезу. Мне ведь недолго.

Я говорю:

— Тётя Сима, нет. Я уж дождусь, а вы так приезжайте, без письма.

— Так-то оно так, да ты время без толку проводишь, вот чего мне жаль. Так оно дольше тянется. Хуже нет — ждать да догонять.

— Почему без толку, я зуб вылечил.

— Ну и что ж что зуб. Надо и уроки учить. Приходи, что ли, ко мне уроки учить. Нажарим рыбы...

...Всё рыба да рыба, деваться от неё некуда.

КАКИЕ БЫВАЮТ ПИСЬМА

А письма-то всё нет. Я уж весь ящик изнутри рукой ощупал, может, оно где притаилось в уголке, но это ерунда, конечно. Таким крошечным письмо не бывает. Нам идёт большое-большое письмо! Вот такое. Нет, поменьше. Ну, в общем, чтобы в ящик пролезло. Большое белое письмо. Оно толстое, как книга. И страницы в нём пронумерованы. А ещё с рисунками. Батя любит в письмах рисовать. Мне, говорит, легче изобразить, чем написать. Однажды письмо всё было из картинок. Сначала звери всякие: олень, белка, пёсик. Потом были нарисованы буровые вышки. А в конце — рожицы в профиль, губы у них вытянуты. Это, значит, батя целует меня.

Идёт, идёт такое письмо. Ну и что же, что нет. Будет!

— Михеев, — кричу, — Михеев, ты выйдешь?

Михеев отвечает в окно:

— Слушай, ты ещё здесь? Вот здорово! У меня такая идея! Просто железная! Подожди минуточку.

Жду. Жду. Михеева всё нет. Куркина высунулась из окна, спрашивает:

— Скачков, назови полевое растение из семи букв, в середине «эр», на конце буква «а».

Я говорю:

— Куриная слепота.

Куркина водой как плеснёт. Вода упала с треском, меня немного забрызгала.

Я говорю:

— Куркина, эй, схватишь!

— Не достанешь, — отвечает Куркина. — А ты что у нас во дворе так долго делаешь? Дежуришь?

— Закрой свою форточку, — говорю.

— А я знаю, что ты делаешь. Ты одного человека ждёшь.

— Молчи, Куркина, никого я не жду.

— Нет, ждёшь, ждёшь, я знаю!

Я говорю:

— Не твоё дело.

— Только напрасно ты ждёшь, Скачков, ты не жди! — говорит Куркина.

Я стал выискивать какой-нибудь камешек.

— Скачков, этот человек на тебя ноль внимания, фунт презрения!

Ну, думаю, тут надо не камешек, а порядочный камень.

Я говорю:

— Куркина, ещё одно слово скажешь — получишь!

А Куркина:

— Ей такие вычеркнутые не нужны.

— Кому?

— Не прикидывайся! Будто не знаю, кого ты ждёшь.

— Ну кого?

— Полю, Полю!

Ах, Полю. Ну, конечно, Полю. Куркина, не буду в тебя бросаться, раз Полю.

Я кричу:

— Куркина, а полевое растение из семи букв — это ромашка!

— Сама знаю!

Надоела мне эта Куркина.

— Михеев, — крикнул я, — Михеев!

Он выглянул.

— Саня, ты меня ждёшь? Это замечательно!

— Отвратительно! — кричит Куркина.

— Я тебе хочу кое-что предложить, но мне никак не выйти, меня не пускают.

Куркина кричит:

— Выйти ему, выйти!

— Да замолчи ты, суетливая какая девица, — говорит Михеев, — Саня, может, ты подымешься ко мне?

— Ля-ля, тра-ля-ля! — кричит Куркина.

— Ой, слушай подымись, это так важно!

— «Ой, слушай, подымись, это так важно!» — кривляется Куркина.

Ну, конечно, подымусь. В чём дело, раз это так важно, что мне трудно подняться?

Михеев вышел на лестницу.

— Пойдём сядем на подоконник. Поговорим.

— Да-да, пойдём, — говорю, — сядем, поговорим.

— Не отпускают, понимаешь?
— Понимаю.
— Говорят: сиди дома. Веришь, нет?

— Верю.
— Житья никакого не стало!..

Михеев загрустил, задумался.

— Да что ты,— говорю,— Михеев, загрустил-то, ну и что такого? Ты посмотри, я какой весёлый, а, Михеев! А вот я тебя сейчас разве-селю!..

Стал я бороться Михеева, а он: пусти, пусти!

— Ну что у тебя,— спрашиваю,— за идея?

— Да,— говорит,— ты меня с мысли сбил! Ты хоть знаешь, что сегодня «Спартак» с «Шахтёром» играет?

— Ну и пусть играют.

— Чудила, так ведь это же полуфинал!

— Ну и что?

— Приходи ко мне вечером телевизор смотреть! Слушай, Сумин придет! Мы знаем как поболеем!

Я говорю:

— Михеев, у меня к тебе просьба.

— Говори, всё сделаю! Да я для тебя... Ты ведь знаешь, Саня!..

— Ну, конечно,— говорю,— знаю. Вынеси мне воды.

— И всё?

— И всё.

Михеев снова задумался.

— Ну, я вынесу. Ты посиди, я мигом.

Я воды напилсЯ и говорю Михееву:

— Большое тебе спасибо.

Он и вовсе ступевался.

— Ты,— говорит,— только не уходи, а? Мы потом что-нибудь придумаем... Я попозже выйду. Я выйду!

Я говорю:

— Давай, давай!

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДИВАН

Вот люди какие странные, с первого раза ничего не понимают. Ведь я же говорю Сухожиловой с Новожиловой — не забирайтесь с ногами на диван. Это некультурно. Пусть теперь на себя пеняют. Я как разо-

гналсЯ, налетел на них с полного ходу. У Сухожиловой с Новожиловой все жилы затряслись. Они отбежали на безопасное расстояние, а совсем не уходят. Как волчицы какие-то. И что им в этом диване?

— А что это ты,— говорят,— так развоевалсЯ? Это теперь и не твой диван!

Здрасьте! Диван уже не мой. А что же тогда моё? Ну нет, диван не отдам. С диваном номер у вас не пройдет.

— Интересно узнать,— говорю,— а чей же этот диван?

Сухожилова говорит:

— Ничей, общий!

А Новожилова:

— Казённый.

Или наоборот, я ведь их не различаю.

— Не-ет,— говорю,— ошибаетесь, дорогие жилы, диванчик принадлежит мне, а вовсе не казённый. Это всё ваши фантазии. А если хотите на казённом попрыгать, то идите в ЖЭК. А вот я вам сейчас объясню, как пройти...

Они и убежали. Сажу на своём замечательном, бесценном диване. Вдруг смотрю — в окне пятой парадной, на четвёртом этаже какие-то стёкла блестят. Кто-то на меня два окуляра наставляет. Что, думаю, такое, кто это меня вблизи не видал? А если кто не видал, так можно же в любой момент подойти и рассмотреть. Зачем же в бинокль?

Я замахал, бинокль тотчас же исчез. И голова спряталась.

— Эй,— кричу,— чего там прячешься! Ты кто? Семёнов, что ли? Эй, Семёнов!

Никто не показывается. Ответа не последовало. Ну, думаю, нехорошо это, неприятно, если меня будут исподтишка в бинокли рассматривать. Я ведь не африканская антилопа. Надо пойти посмотреть. Вбежал по лестнице на четвёртый этаж, где сидел злоумышленник. Никого нет. Вбежал на пятый. Пошёл на шестой, там уж ход на чердак. Вдруг вижу — стоит голубчик. Опять вооружён до зубов, два пистолета на меня наводит,

— Стреляй, — говорю, — чего стоишь?

— Извольте удалиться.

А сам бледный-бледный. Сейчас совсем в мел превратится. Ох уж доведёт меня этот Семёнов.

— Ты чего, — спрашиваю, — за мною шпионишь?

— Я не шпионю, я наблюдаю.

— Ну и что ты наблюдаю? Или как правильно сказать: наблюл? Ну, в общем, чего ты увидел?

Семёнов сник совсем.

Я говорю:

— Да убери ты свои дурацкие пистолеты!

Он послушался, руки опустил. В сторону смотрит.

— Я, — говорит, — знаю, кто тебя предал.

— Та-ак... — говорю. А сам пот со лба утираю. — Значит, знаешь...

— Знаю...

— А ты не ошибаешься, а, Семёнов?

Из окна крыша видна. По карнизу голуби ходят, гуркают. Вон там я когда-то стоял, когда батя увидел меня и испугался.

Я спрашиваю:

— Ну, кто?

— Я интригами не занимаюсь! — отвечает Семёнов. — Он будет иметь дело со мной! Можете на меня рассчитывать.

И снова в свою флибустьерскую позу встал.

Я говорю:

— Не надо, Семёнов... Я ведь и сам знаю. Только я тебя очень прошу, пусть об этом знают только двое: ты и я. Ну, еще можешь сказать Поле. Выполнишь, Семёнов?

Он меня удивлённым взглядом проводил.

ФАЙЗУЛА ЖДЕТ КОРРЕСПОНДЕНТА

Ну, думаю, хватит, пора ехать домой. Одно дело сделано. Решил напоследок зайти в свою парадную. Дверь открыл — и у меня вспыхнуло перед глазами! Три белых кружка! Я чуть дверцу ящика не оторвал. «Сане Скачкову». А в конверте листок в клеточку и на нём печатными



буквами строчка: «Одна девочка хочет с тобой дружить!»

Ну, напугала... У меня даже в глазах потемнело. Вот погоди, думаю, выйди, я тебе покажу, как людей пугать!

А самому весело! Не уйду ещё. Посижу на своём прекрасном диване. Эх, хорошо мне сидеть! Захочу — покачаюсь! Пружины скрипят из всех сил. Скрипите, скрипите, пружины! А ну-ка я вскочу на него ногами. Мне всегда запрещали, а теперь кто мне запретит? Мой диван! Только мой! Эх, как подкидывает! И-эх!.. И-эх!!!

Идёт Палён через проходные дворы. Спрашивает:

— Ты прыгаешь?

— Прыгаю!

— А ну-ка и я попрыгаю!

Стали мы вдвоём прыгать. Палён вдруг как заведёт:

— Опа, опа, Азия — Европа!

Я говорю:

— Палён, ну как не стыдно!

Он перестал. Я говорю:

— Давай лучше поиграем в крепость.

— А как это?

— А вот я тебя столкну, значит, моя крепость, а потом ты заскакивай и меня толкай. Кто дольше крепость удержит.

Эх, хорошо я придумал! Палён, как сумасшедший, вокруг дивана бегаёт, тут сунется, там сунется, всё ищет у меня слабое место. Но в моей обороне не так легко слабое место найти. Наконец запрыгнул Палён, как толкнёт меня, я и полетел вниз. Ничего себе болезненный! А ещё от физкультуры освобождён.

Ну, думаю, сейчас я тебя атакую! Но Палёна не просто было атаковать. Я запрыгнул несколько раз, но не удержался. Но и Палён не удержался, полетели мы с ним вдвоём кубарем. Не заметили даже, как Файзула подошёл. Костюм на нём чёрный, рубашка белая и жёлтые полуботинки. Одеколоном от него несёт. Что такое, не Файзула, а оперный артист какой-то!

Он кричит:

— Ай, как нехорошо! Зачем такие игры играете? Садитесь шахматы играйте. Или нарды. Или кости. Тихо надо играть.

— Почему тихо-то, Файзула? Можно и не тихо.

Это я у него спрашиваю.

— А ты совсем уходи, — Файзула говорит. — Ты мне один показатель испортил? Испортил. Ты мне другой показатель испортил? Испортил.

— Не портил я тебе никаких показателей.

— А кто ребёнка у магазина воровал? Ты воровал. Файзула всё знает. От Файзула не скроешь. Ты домой лучше иди. Сейчас корреспондент придёт, будет про меня газету писать. Фотографировать будет.

То-то, я смотрю, Файзула так вырядился. Вот что с человеком слава делает. Совсем испортился у нас дворник. Раньше Файзула тихий, скромный был, в нарды учил нас играть, песни узбекские пел, качели нам построил.

— Зачем тебе газета-то, Файзула?

— Надо газета. Почёт надо. Кишлак буду посылать.

Ну, что ты с ним сделаешь. Ведь пропадёт совсем. У него и взгляд стал другой — глаза блестят. Он и у ворот теперь по-другому стоит — как статуя. Может, он думает, что к нашему дому мраморную дощечку прибьют: здесь жил и работал дворник Файзула. Но ведь этого не будет. Жаль мне его стало. Не замечает человек, как портится.

Я говорю:

— Дощечку-то всё равно не прибьют, Файзула.

— Какую дощечку?

— Ладно, это я так подумал.

— Нехороший ты человек, Скачков. Зачем ребёнка у матери воровал?

— Да я, Файзула...

А, да чего с ним разговаривать! У него одни показатели в голове. Показатели и указатели. Совсем помешался на этом корреспонденте. Сидит в чёрном костюме посреди своего скверика. На столе перед ним фарфоровый чайник и две пиалы. Файзула чай пьёт. Чай он пьёт только зелёный. Я однажды попробовал — это просто горечь. В нём ни крошки сахара. Файзула пьёт эту гадость по десять раз в день.

Голуби вокруг него разгуливают, воробьи на ветках чирикают. Он сидит в сквере, как в родном кишлаке, никто ему не мешает. Пьёт чай и обдумывает повышенные обязательства. Файзула говорит так: чай не пьёшь — откуда силы берёшь? Спортом надо заниматься, вот откуда силы.

Вдруг и в самом деле во двор входит человек в очках и светлом пиджаке. За ним почему-то идёт Тентелев.

— Эй, пожалуйста, — кричит Файзула. — Сюда проходите! Здравствуйте! Салам алейкум! — Файзула берёт его руку двумя руками.

Корреспондент садится за столик вместе с ними.

— Это я и есть Файзула Абдурахманов, — говорит Файзула. — Пейте зелёный чай. Вкусный, свежий.

Только что заварил. У нас обычай такой: сначала чай пьём, потом разговариваем. Как ваше здоровье? Как здоровье жены?..

— Да я собственно... — говорит корреспондент, но Файзула его не слушает.

— Как здоровье детей? Папы, мамы?..

— Вкусный чай, — говорит корреспондент.

— Очень вкусный, — говорит Файзула. — Очень полезный!

— Хорошо у вас во дворе, много зелени.

— Очень хорошо! — говорит Файзула. — Много работаем. По всем показателям. Пятый показатель — зелень.

— Пятый? А первый какой?

— Первый — квартплата.

Корреспондент чай выпил и говорит:

— Я к вам знаете по какому вопросу?

Файзула кивает:

— Знаем, знаем! ЖЭК предупреждал.

А в это время другие ребята ходят: Семёнов, Дубарев, Куркина. Что корреспондент должен прийти — все слышали.

— Я вам все данные приготовил, — говорит Файзула и вынимает из кармана пачку листов. — Вот макулатура. Вот зелень. Вот пищевые отходы. Вот работа с детьми. Я с ними очень много работаю, они скажут.

— Да мне не это надо, — говорит корреспондент. — Я не по этому пришёл. Мне нужен Саша Скачков.

Все повернулись ко мне. А Файзула говорит:

— Вот этот Скачков. Но мы за него не отвечаем.

— Который Скачков? — спрашивает корреспондент.

Ну, думаю, это насчёт грудняка. Я говорю:

— Ну, а чего я такого сделал? Прокатил немного его, так я ж только до угла... Ну чего особенного?..

Корреспондент говорит:

— Какой, этот? Это не Скачков.

— Как не Скачков? — удивляется Файзула.

Ну вот, я уже и не Скачков.

Я говорю:

— Кто, я не Скачков? А кто же я, по-вашему?

Все кричат:

— Скачков! Это Саня Скачков! Мы его все знаем.

Корреспондент даже очки снял:

— Странно, а он совсем по-другому выглядел.

— Он постригся, — сказал Файзула.

Корреспондент снова надел очки и кого-то поискал глазами. Взгляд его упёрся в Тентелева.

— А ты мне голову не морочишь? Ты же говорил, что вы очень просите прийти к вам во двор из-за Скачкова. А его здесь нет.

— Правда, правда, — говорит Файзула, — его здесь нет. Он больше здесь не живёт. ЖЭК за него не отвечает.

— Ничего не понимаю! — сердится корреспондент. — А кому же мне отдать письмо! Вот тут у меня письмо есть для этого вашего Скачкова.

— Какое письмо? — кричу. — Где вы его взяли?

И уже хочу схватить письмо. Это ведь моё письмо, и я уже всё понимаю: и как оно попало к нему, и кто этот человек, всё понимаю.

— Э, нет, — говорит человек, — давайте сначала разберёмся. Я работаю директором лодочной станции...

Файзула восклицает:

— Так вы не корреспондент?..

— Нет. Пять дней назад этот ваш неуловимый Саня Скачков похитил чужую лодку и утерел весло. Ну, мы вашего Саню, конечно, скоро взяли на буксир и на берег доставили. Стали удостоверять личность. Документа у него, конечно, никакого не оказалось, а было в кармане вот это письмо.

— Да отдайте же вы мне его, отдайте! — закричал я. — Моё это письмо!..

Да что он не отдаёт-то! Вот же оно! Я так себе его и представлял.

— А как же оно оказалось в чужом кармане?

Тут мы услышали какие-то крики в стороне. Это Тентелев хотел привести к нам Михеева, а тот упирался.

— Не пойду! Не пойду! — выкрикивал Михеев.

Тогда его Дубарев под другую руку поддел.

— Да он ведь мне сам поручал, — хныкал Михеев. — Саня, ты ведь мне поручал смотреть в ящике?

Я кивнул. Мне хотелось хоть чем-то помочь Михееву.

— Ну вот, видите... Я нашёл там письмо и хотел отвезти его Сане, честное слово, я хотел отвезти! А они отобрали... Вы же отобрали.

Я не мог больше тут находиться. Я вырвал письмо у директора лодочной станции, он даже внимания не обратил, потому что во все глаза смотрел на Михеева.

А я побежал...

ПРОЩАЙ, СТАРЫЙ ДОМ!

И Саня побежал. Ах, как он побежал! Бежать-то, может быть, и не надо было, а в трамвай, в трамвай вскочить, притулиться где-нибудь на задней площадке и читать письмо, глотать строчку за строчкой. Да разве ж он и так не знал, что в нём написано? Ведь он его насквозь видел, письмо-то это.. Ведь отец едет, едет, может, он уже в дороге!..

А сзади его догоняли и Тентелев, и Дубарев, и Палён, и Семёнов, и Куркина.

— Саня, Саня, — кричали они ему, — ты приезжай к нам, ты всё равно приезжай! И мы к тебе приедем!..

Но уже за его спиной оставалась старая улица, со всеми своими домами, витринами, деревьями, проводами, люками, светофорами... Жёлтые листья летели косо над ним, как маленькие самолётики...

Прощай, старый дом!

А. А. МИЛН

Весеннее утро

*Куда иду, не знаю я,
Через леса, через поля,
Как хороша кругом земля!
Как хорошо, что это я!
Иду под солнцем и луной,
И по горе и под горой,
Иду по рощам и лугам,
Куда иду, не знаю сам.
Как хорошо бы птицей стать,
В пятнашки с ветром поиграть,
А с облаками — в чехарду!
Смотрите: это Я иду!
Куда иду, не знаю я,
Через леса, через поля,
Как хороша кругом земля!
Как хорошо, что это я!*

Пересказал с английского
Ефим ЮДИН



Рис. В. Адаева



ВОЛШЕБНАЯ КИСТЬ ТРОПИНИНА

Улица Герцена, дом № 20. Этот старинный дом построен более двух веков назад. Здесь протекало невесёлое отрочество одного из знаменитых наших художников, талантливого портретиста Василия Андреевича Тропинина, родившегося ровно двести лет назад.

Тропинин был крепостным помещика графа Миниха. Детские годы будущий художник провёл в селе Карповка, Новгородской губернии. Но, когда Миних выдал дочку замуж за графа Моркова, жившего на Украине, в селе Кукавка, он дал в приданое денег, породистых лошадей и крепостных крестьян, в числе которых была и семья Тропининых.

В раннем детстве Вася Тропинин проявил способность к рисованию. Никто не учил крепостного мальчишку... Бумага в те времена была дорогой, а карандаш — настоящим богатством. Ну что за беда — вместо карандаша можно взять мягкий уголёк или кусочек мела! Вместо бумаги — древесную кору или доску. Вся деревня знала Васю и восторгалась его способностями. Под его детской рукой мигом на доске оживали фигурки односельчан, лошадей, возникали избушки с курчавившимися над ними дымками.

Посоветовали отцу пойти на поклон к графу и просить отправить Васю учиться на художника.

— С чем пришёл? — спросил помещик, увидя склонившихся перед ним отца и сына Тропининых.

Старший Тропинин изложил всё как есть. Граф молча выслушал просьбу.

— Учиться, говоришь? Так-так-так... Учиться, значит... — медленно протянул барин и задумался. — Ну, уж если так просишь, pošлю сына твоего учиться, — промолвил граф, повернулся и скрылся в дверях.

Радостными возвращались Тропинины в свой домишко.

И вскоре уехал Вася в самый Петербург. Граф слов на ветер не бросал. Сказал, что пошлёт учиться, вот и послал... Но куда, к кому? Не в Академию, не к мастерам-живописцам, а в дом на Большую Морскую (так прежде называлась улица Герцена) к немцу-пирожнику. Послал обучаться на кондитера, овладевать наукой изготовлять чудо-торты, разные пирожные, крендели, кремы.

К счастью для Васи, в этом же доме жил в то время живописец, выполнявший разные заказы. Писал он портреты, пейзажи, расписывал потолки в богатых особняках, приходилось малевать и вывески для купеческих лавок — одним словом, делал всё, что мог, лишь бы прокормить семью. С сыном живописца и подружился Вася, и дружба эта открыла ему двери в квартиру художника. Человек этот был добросердечным, жалел, что не отдал Васи учиться любимому делу, потому что, увидев рисунки, сразу признал в мальчике настоящий талант. И в редкие свободные минуты, когда Вася вырывался от кондитера, потихоньку обучал его. Немец-пирожник и не догадывался, что его ученик, выпекавший таявшие во рту «шарлотки», в то время уже писал портреты.

Но граф Морков всё же узнал об успехах своего крепостного не только как кондитера, а и живописца. Младший брат графа, знавший толк в изобразительном искусстве, и другие знакомые настойчиво советовали послать юного Тропинина обучаться на художника. Старший граф подумал: «А ведь и вправду хорошо иметь своего крепостного живописца...». И послал Василия Тропинина, которому к тому времени пошёл уже двадцать третий год, учиться в Академию. Но ведь Василий был крепостным, а крепостных не принимали в Академию. Зачислили его «посторонним учеником».

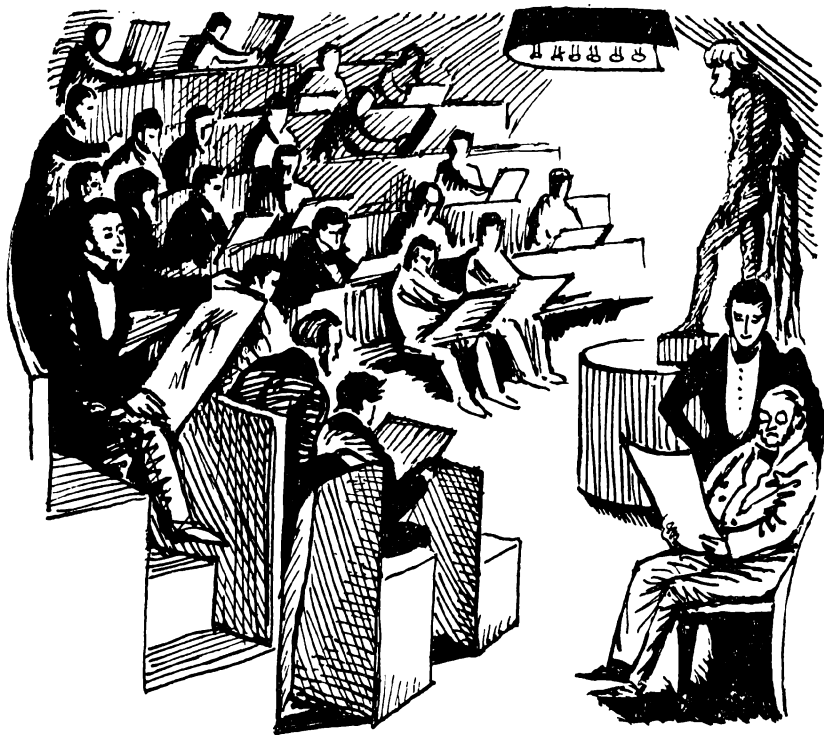
С утра допоздна трудился «посторонний ученик» в огромном здании Академии художеств. Учителем его был портретный живописец, профессор С. С. Щукин. Быстро Тропинин схватывал все указания своего учителя. Каждый день занятий был шагом вперёд. Наблюдательный профессор вскоре заметил, что некоторые работы Василий Тропинин выполняет даже лучше, чем он, признанный портретный живописец.

В Академии в определённые сроки устраивались выставки работ её питомцев. И на одной из выставок появилась небольшая картина Тропинина под названием: «Мальчик, тоскующий по своей умершей птичке». Картина небольшая, но каждый, кто проходил мимо, обязательно останавливался около неё. Обходил выставку и президент Академии — граф Строганов, человек, прекрасно понимавший искусство. Взглянул на работу Тропинина и сразу же понял — это кисть незаурядного художника. Стал подробно расспрашивать Щукина о его ученике...

И тут случилось неожиданное. Понял Щукин, что Строганов примет участие в Тропинине и, быть может, постарается добиться вольной для юного таланта. Другой учитель должен был бы радоваться таким успехам своего ученика. И если даже ученик превзошёл учителя, то этим надо только гордиться. А в профессоре Щукине, вероятно, роди-

лось чувство зависти. Он вернулся с выставки домой и написал графу Моркову следующее письмо:

«Сиятельный граф, милостивый государь! В изъявление моего к особе Вашего сиятельства высокопочитания считаю священнейшим своим долгом донести Вам, что принадлежащий Вам дворовый человек Василий Тропинин, обучающийся художеству под моим руководством, оказал в оном искусстве отменные успехи. Выставленная им работа признана достойной золотой медали и обратила на себя внимание весьма высоких особ. Сие обстоятельство вызвало толки о желательности выкупить из крепостной зависимости молодого художника, дабы дать ему возможность развернуть пышно и широко богом данный талант...»



Далее профессор Шукин пишет, что особы, обратившие внимание на талант Тропинина, не просто важные, но высокопоставленные и что их просьба отпустить на волю крепостного художника будет равна приказанию и потому, — продолжает профессор: «беру на себя смелость посоветовать Вам, поелику Вы не пожелаете лишиться Вашего крепостного человека, прекратить его учение в Академии, призвать немедленно к себе. Промедление может повлечь для Вашего сиятельства нежелательные последствия».

Граф Морков, получив такое письмо, конечно, тут же послал приказание Василию Тропинину выехать на Украину. И Тропинин поехал в Кукавку. Прежде всего помещик загрузил его разными живописными работами. Даже выделил ему небольшое помещение для мастерской. Писал Тропинин портреты графа, его сыновей и дочерей, а также портреты помещиков, соседей графа. Писал иконы для Кукавской церкви. Художник даже раскрашивал кареты с графскими гербами... Хо-

рошо бы заниматься только искусством. Но Тропинину поручалось и рытьё колодцев, и сопровождение обозов с продовольствием... Крепостной художник не имел права отказываться ни от какой работы. И граф, мало того, что загружал талантливого живописца разными хозяйственными обязанностями, нашёл ещё один способ лишний раз унижить своего крепостного. В час обеда Василий Тропинин должен был надеть либо фрак, либо ливрею и выполнять обязанности лакея, обслуживать хозяина. Художник — лакей! Графу Моркову льстило, что он безраздельно владеет таким необыкновенным человеком.

Как-то в гостях у графа Моркова побывал некий заезжий француз, хорошо разбиравшийся в живописи. Знаток искусства, он и сам был художником. Конечно, сыновья Моркова повели гостя в мастерскую Тропинина. Увидев портреты на мольберте, на стенах, француз сразу же понял, что тут творит мастер высокого класса. Познакомили француза и с автором портретов. Парижанин воздавал должное искусству художника, всячески хвалил его работы.

Но вот звучит колокол... Время обеда... Все домочадцы собираются в столовой, в том числе и почтенный француз. Появляется в столовой и Тропинин. Француз, увидев замечательного живописца, вскочил со своего места, протянул руки к Тропинину:

— О, как я рад, что вы здесь, садитесь рядом со мной, — сказал он, показывая на свободный стул.

Но Тропинин, сильно покраснев, стоял, не двинувшись с места. Ведь он крепостной, и в эти минуты он не художник, а личный лакей графа Моркова. Парижанин этого не знал и вопросительно посмотрел на сидящих за столом. Все, потупившись, молчали. Потом, видимо, гость догадался и смущённым просидел весь обед.

Так тянулась горькая жизнь крепостного художника Василия Тропинина. Граф, которому льстило, что о его крепостном знает не только ближняя округа, но говорят даже в Петербурге и в Москве, не давал ему вольной. Лишь когда прошли две трети жизни художника, когда ему исполнилось сорок семь лет, граф наконец смиростивился и написал следующий документ:

«15 марта 1823 года предъявитель сего, крепостной, дворовый человек Василий Андреев сын Тропинин, принадлежащий графу Ираклию Ивановичу Моркову, отпускается вечно на волю...»

Василия-то отпустил, а сына его Арсентия так и оставил при себе, не дав сыну вольную, чтобы этим окончательно не потерять старшего Тропинина. Горько было на сердце отца, но что делать? Вольную Арсентий Тропинин всё же получил, но уже после смерти старого графа Моркова.

В годы, предшествовавшие получению вольной, Тропинин создал большое количество портретов. Часто приезжал он в Москву, где зимой в своём доме жила Морков с семейством. Во время пребывания в Москве Василий Андреевич посещал многие барские дома, знакомился с коллекциями картин знаменитых художников. Внимательно вглядывался и копировал их работы, тем самым учился сам писать всё лучше, всё вдохновеннее. К сожалению, большое количество портретов и картин того времени, выполненных Тропининым, не дошло до нас. Много их украшало стены московского дома Морковых. Но в 1812 году, когда Наполеон вошёл в Москву, сотни зданий, в том числе и графа Моркова, сгорели во время знаменитого московского пожара. Так погибли многие жемчужины тропининской кисти...

Но многое и уцелело. И что особенно дорого — это работы, над которыми он увлечённо трудился в живописном украинском селе Ку-



кавка. Тут он зарисовал типы крестьян, их детей. По указаниям хозяина и по заказам писал портреты и помещиков.

Когда наконец была получена долгожданная вольная, Тропинин решил добиться получения звания академика. Для этого в совет Академии нужно было представить для рассмотрения несколько работ. Художник послал три своих полотна: «Старика нищего», «Портрет художника-гравёра Е. О. Скотникова» и «Кружевницу».

«Кружевница» — одно из лучших творений Тропинина. На выставке около «Кружевницы» было не протолкнуться. До Тропинина таких портретов простых тружеников русская живопись почти не знала. Получив звание академика, Тропинин не захотел оставаться в чиновничьем Петербурге и выехал в Москву. В Москве от заказчиков не было отбоя.

Кисть Василия Тропинина увековечила многих его выдающихся современников, и в этом его огромная заслуга перед русской культурой и искусством. Тропинин — творец внушительной и впечатляющей галереи, в которой он оставил потомкам портреты героя Отечественной войны 1812 года атамана Платова, известного баснописца И. Дмитриева, историка Н. Карамзина, крупнейшего трагика, актёра В. Каратыгина и знаменитого актёра М. Щепкина, художников П. Соколова и поэта моря И. Айвазовского, скульптора И. Витали...

Особой заслугой Тропинина является создание им одного из лучших портретов великого нашего поэта Александра Пушкина.

Это было в 1827 году. Пушкин в то время жил в Москве у своего близкого знакомого Сергея Александровича Соболевского, оказавшего поэту много услуг, в частности, в издании некоторых его произведений.

Признательный Пушкин решил подарить Соболевскому свой портрет. Заказан он был Василию Тропинину. Художник был очень взволнован этим неожиданным предложением. Ведь для него Пушкин являлся едва ли не самым знаменитым среди современников.

Вскоре об этом портрете узнала Москва. В «Московском телеграфе» сообщалось: «Русский живописец Тропинин недавно окончил портрет Пушкина. Пушкин изображён в три четверти, в халате, сидящий возле столика. Сходство портрета с подлинником поразительное...»

У этого знаменитого тропининского портрета своя необычная биография. Соболевский был, конечно, очень обрадован подарком Пушкина и повесил портрет у себя на видном месте. Вскоре Соболевский должен был выехать за границу на довольно долгий срок. По размерам пушкинский портрет был несколько великоват, и Соболевский не смог взять его с собой. Уезжая, он попросил близких знакомых сберечь портрет, а также свою богатую библиотеку.

Пять лет отсутствовал Соболевский. Но вот он снова в Москве и первым делом направился в дом, где должны были сохранить портрет поэта и книжное собрание. Вот и портрет... Но что это... Приглядевшись, Соболевский оторопел от удивления. Перед ним не подлинник, выполненный Тропининым, а грубая подделка. Соболевский был вне себя от этого злосчастного открытия...

Оказалось, что в его отсутствие к хранителям портрета приходил какой-то художник и слёзно умолял дать ему на некоторое время тропининский подлинник с тем, чтобы сделать с него несколько копий... Приходил он неоднократно и в конце концов добился своего. Вскоре пришёл опять, но вернул не портрет, а подделку.

В течение двадцати лет не было известно, где же находится Пушкин тропининской кисти. Случайно он был обнаружен у одного ростовщика, приобретён собирателем произведений искусства Оболенским и лишь в первом десятилетии нашего века оказался в Москве в Третьяковской галерее. Теперь же вы можете увидеть подлинного тропининского Пушкина в городе, носящем имя поэта, во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.

Жил Тропинин в Москве на тихой улице Ленивке. В 1836 году в Москву приехал знаменитый русский художник Карл Брюллов. Хлебосольные москвичи наперебой приглашали прославившегося на всю Европу великого живописца. Но Брюллов, собираясь отправиться на очередной званый обед, частенько сворачивал в сторону, на Ленивку, к Василию Андреевичу, чтобы похлебать русских щец и провести время за душевной беседой.

Наперебой уговаривали Брюллова многочисленные заказчики написать их портреты. Карл Павлович отмахивался:

— У вас в Москве есть свой превосходный художник, — говорил он, имея в виду Тропинина.

Во время пребывания Брюллова в Москве Василий Андреевич написал его портрет. Брюллов стоит на фоне Везувия... Этот фон понятен: ведь в то время только и разговоров было, что о привезённом в Россию гигантском холсте, написанном Брюлловым, — «Последний день Помпеи».

У Тропинина было много последователей, которые своими прекрасными работами прославили русскую кисть, русское искусство.



За завтраком Валера решил прокладывать канал через пустыню.

«Проложу канал, — думал он, — и пушу по нему лодку».

Пустыня была из манной каши. Лодка — из ложки. Лодка, груженная малиной, проплывала по широкому каналу и исчезала во рту. Было вкусно и интересно. И малины в кружке оставалось ещё много — возить не перевозить.

Но тут за окном кто-то засипел, закричал, закашлял. Так сипеть и кашлять умел только один человек — санитар Ерофей.

— Анатольевич, и-кхи, и-кхо, — прокашлял с улицы Ерофей, — за тобой я. Тяжёлого привезли, о-кхо. Из Вербилова.

Чего Валера не любил, так это когда взрослые начинали торопиться. Только что папа сидел перед ним за столом со стаканом кофе в одной руке и газетой в другой, и вдруг раз! — и нет его. Только что на нём были надеты трусы и футболка, а вот уже появился в рубашке и брю-

ках. И портфель в руке, а из него торчит резиновая трубка — стетоскоп.

Потому что папа — доктор. А тяжёлый из Вербилова — не камень, не шкаф, не ящик какой-нибудь, а больной — тяжело больной человек. И, конечно, папе надо скорее идти в больницу лечить тяжёлого. Всё это Валера знал, но ничего не мог с собой поделать. Когда кругом начиналась хоть небольшая спешка, ему казалось, будто все его сразу забыли и бросили. И поэтому не любил, когда торопятся.

Папа, проходя мимо, растрепал ему волосы и сказал:

— Во-первых, доедаешь кашу. Во-вторых, достанешь просыпанную малину из-за паузы. В-третьих, берёшь вот это письмо и относишь на почту. Ясно?

— А кому письмо? — спросил Валера.

— Маме. Смотри не потеряй. Потеряешь — мама письма не получит и не приедет. Ну, я побежал.

Папа ушёл, а Валера стал разглядывать письмо. Вернее, марку. На ней был изображён старинный корабль с раздутыми парусами и флагами. И как только не жалко наклеивать такую красивую марку на конверт? Ведь на почте по ней стукнут чёрным штемпелем и испортят всю красоту.

Надо будет попросить Акимовну, чтобы не очень стучала, решил Валера. Чтобы по самому краешку. Тогда мама получит письмо и ещё издали узнает, от кого оно. Папины письма всегда легко узнать по марке — ни у кого нет таких красивых.

Дорогу на почту Валера знал хорошо. Почта была в середине посёлка, там, где магазины. И клуб. И парикмахерская. Клуб Валера любил — там показывали кино и спектакли, а парикмахерскую ненавидел. Есть ли на свете что-нибудь большее, чем стричься под машинку? И зачем только у людей растут волосы? Однажды он взял тайком папину бритву «Спутник» и попробовал сам побрить себе макушку. Но бритва сразу так защемила клоком волос, что слёзы брызнули из глаз. Еле отцепил.

«Хоть бы облысеть поскорей, — думал он иногда. — Стать, как санитар Ерофей. Чтобы кончились наконец эти мученья со стрижкой». Выйдя на крыльцо, Валера приказал ногам остановиться, а голове вспомнить — не забыл ли чего?

Письмо? Вот оно в руке.

Платок? В кармане.

Штаны? Застёгнуты.

Малина за пазухой? Съедена.

Тюбетейка? Надета.

Щеколда на двери? Задвинута.

Кажется, всё...

Он сошёл на дорожку и тут же присел, сморщившись от боли. Так и есть — сандалета! Почему? Ну, почему он надел только одну сандалету, а вторую оставил под кроватью? И почему непременно сегодня на дорожке должна была валяться ветка шиповника с колючками? И почему именно босая нога должна была попасть на неё, а не обутая?

Хорошо ещё, что никто не видел. А то бы снова начались разговоры

про растяпство и дырявую голову. Голова как голова, она не виновата. Просто слишком много вещей развели на свете, нет никакой возможности запомнить. И каждая вещь ещё поровит перепрыгнуть с места на место. Зубная щётка вдруг оказывается внутри радиоприёмника. Перочинный нож — на дне сахарницы. (До сих пор, если полизать, сладко.) Фонарик вчера вообще исчез, и до сих пор неизвестно, где он. А теперь ещё сандалета.

Нет, хорошо бы изобрести такую единственную вещь — одну вместо всех. Чтобы её можно было обувать, надевать, чистить ею зубы, точить карандаши, светить, если темно, сморкаться и вообще всё, что хочешь. И всегда носить её с собой. Красота!

Мечтая о такой небывалой вещи, Валера и сам не заметил, как вернулся в дом, обул вторую сандалету, вышел за калитку, поддал ногой шипку, перепрыгнул через тень скворешни, обогнул куст сирени и оказался на улице, идущей к реке. Дед Мокей уже сидел на своём раскладном стуле у забора и сразу же закричал, увидев его:

— А ну, кто там идёт, а ну, куда, а ну поди сюда немедленно, а ну гороху дам сладкого.

Дед видел только одним глазом, да и то еле-еле, но пройти мимо него незамеченным никому не удавалось. Когда Валера подошёл, дед для надёжности ухватил его за руку и принялся расспрашивать:

— Ну-ка, говори — ты чей?

— Ситниковых.

— Доктора, значит, Анатольевича. А куда ж ты идёшь-то один, лишнюю пыль создаёшь зачем-то, куда, говорю, тащишься спозаранку?

— На почту. Письмо несусь.

— Да кому? Кому письмо-то, господи, письмо он несёт, будто я слепой или писем не видел. Знаю я их, всякие ко мне приходили, авиа-однажды получил, а твоё-то кому, спрашиваю, адресовано?

— Маме письмо. Она в город уехала, а папа ей пишет, чтоб возвращалась.

— В город? А чего ж это она по городам разъезжает, чего, говорю, в школе не сидит, мамка-то твоя, чего детей не учит?

— Да капикулы жё ещё, дедушка. Она и поехала заранее учебники получить, и глобусы, и карты полушарий.

— Да как же это она поехала одна? Что ж это делается, куда ей такую тяжесть увезти одной, мыслимо ли дело, столько пудов бумаги учебной на всех на вас, мелюзгу неучёную.

— А может, она машину найдёт. Может, папа ей и пишет, чтобы машину поскорее находила и приезжала.

— А чего ж он тогда сам на почту не бежит, чего дома сидит, прохлаждается, чего, вместо себя, тебя посылает, мальчика ненадёжного?

— Да сказано вам, — неожиданно для себя закричал вдруг Валера, — что прислали за ним, срочно, говорю, прислали, в больницу бежать, тяжёлого ведь привезли, понятно теперь.

— Да кого, — завопил дед Мокей, — кого привезли-то, болезнь-то у него какая, скажешь ты мне или нет?

— А неважно какая. Папа всё равно вылечит, — спокойно сказал Валера. Потом вырвал руку и пошёл прочь.

«Посмотрим ещё, кто ненадёжный, — думал он с обидой. — Сам всегда гороху обещает, а никогда не даёт».

— А ну кто там, — кричит сзади дед Мокей уже кому-то другому, — с граблями кто идёт, а ну, поди сюда, я вот ягод дам крыжовенных...



Но Валера не стал оглядываться и смотреть, кто там с граблями. Если у человека такое важное дело, некогда ему отвлекаться на пустяки. Куст красной смородины соблазнительно свесил несколько ветвей на улицу через забор, но Валера даже глазом не повёл. Самолёт загудел в небе — он не поднял головы. Лягушонок прыгнул ему под ноги из лужи, — он перешагнул его и пошёл дальше, сжимая в руке письмо с плывущим парусником.

И лишь дойдя до реки, Валера остановился. Потому что там строили мост. Пройти мимо такого зрелища и не остановиться — для этого надо было быть бесчувственным, железным человеком. Бесчувственных в их посёлке не было. Зрители сидели на обоих берегах. Стояли вдоль перил старого моста — деревянного. Двое велосипедистов слезли с велосипедов и, чтобы лучше видеть, спустились к воде. Даже лошадь, запряжённая в телегу, пыталась выглянуть из-за оглобли и разглядеть, чего тут такое творится.

Все смотрели на подъёмный кран. Железная рука крана раскачивала подвешенную на тросе корзину не корзину, бадью не бадью, а скорее огромную стальную пасть. Пасть падала на кучу серой цементной глины на берегу, впивалась в неё, откусывала большой кусок и, стиснув челюсти, поднималась в воздух. Железная рука проносила её над вбитыми в дно бетонными сваями, над головами рабочих, потом застывала, челюсти разжимались и вываливали глину точно в приготовленный ящик.

Но интереснее всего было смотреть на самого крановщика. Он был одет в синий комбинезон, а на голове — соломенная шляпа. Как он работал! Вот уж кто умел делать десять дел сразу, не путаясь и ничего не портя. Он не глядя запускал руку в самую гущу рычагов и рукояток, находил нужную, тянул её к себе, потом от себя, одновременно правой ногой жал на одну педаль, а левой отпускал другую, свободной рукой при этом доставал папиросу, вставлял её в рот, прикуривал от зажигалки,

одним глазом следил за движением железной пасти, другим — подмигивал девушкам, стоявшим у деревянных перил. И при этом ни разу не промахнулся, не просыпал глину в воду, не задел никого страшной железной рукой.

«Мне бы так!» — с восхищением думал Валера.

Он бы, наверно, мог простоять там целый день, ему бы не надоело. Но скоро цементная куча на берегу кончилась, и железная пасть повисла в воздухе, будто высматривая, чего бы ещё ухватить. Крановщик выключил мотор и встал со своего сиденья.

— Bravo! — закричал кто-то на той стороне реки и захопал.

И все стали смеяться и хлопать, и крановщик тоже засмеялся, снял шляпу и раскланялся. А потом повёл всю свою строительную бригаду в столовую обедать.

«Интересно, — думал Валера, идя дальше по своему берегу, — может какой-нибудь кран зацепить сам себя и поднять? Или нет? Вот я же не могу поднять сам себя за шиворот. Правда, у меня сил маловато. А кран можно сделать такой сильный, что любую тяжесть поднимет. Даже себя. Подцепит и потянет вверх. И подлетит...»

Тут он сморщился и потряс головой. Получалась явная глупость. Почему — непонятно, но было совершенно ясно, что кран сам собой подлететь не может. С другой стороны, было так же ясно, что если любую вещь очень сильно потянуть вверх, она поднимается. По отдельности обе мысли были правильные. А стоило сложить их вместе, получалась явная глупость. Даже во лбу заболело. «Поднимется... Не поднимется... Подлетит... Не подлетит...»

Валера вдруг испугался, что эти ссешившиеся мысли как залезли ему в голову, так и останутся там навсегда. И он уже ни о чём другом не сможет думать. Будет только ходить и бормотать: «поднимется — не поднимется». То есть сделается сумасшедшим. Психом ненормальным. Вот ужас-то! И никто с ним не ста-



нет играть. И в школу его не примут. И даже в кино могут не пустить.

— Дай я убью её! — расслышал он вдруг громкий шёпот.

Внизу что-то плеснуло. Фыкнуло. Валера, сразу забыв про «поднимется — не поднимется», лёг на живот и поехал вниз по склону обрыва. Река в том месте разделялась островком и текла чуть быстрее. Двое мальчишек стояли по пояс в воде и вырывали друг у друга что-то железно-сверкающее, остро-трезубое, резиново-натянутое.

«Подводное ружьё!» — догадался Валера.

— Не дам, — прошипел один из мальчишек — тот, что повыше. — Моё ружьё, я и убью.

Второй, не отвечая, сунул под воду лицо, закрытое резиновой маской,

и вдруг снова начал судорожно рвать ружьё к себе. Потом выпрямился и с изумлением уставился на длинного.

— Ты что? Ведь уйдёт.

— У меня не уйдёт. Дай маску, я ей так вжарю — ого-го!

— Моя маска — с чего это я должен её тебе давать?

— А как же я стрельну без маски?

— Не было такого уговора, чтоб я тебе свою маску давал.

— И чтоб я тебе своё ружьё — тоже не было.

— Я буду искать, а ты стрелять, да? Больно хитрый.

— Сам хитрый. Хочешь и искать, и стрелять.

— Ну и стреляй себе из своего ружья куда хочешь.

— Ну и гляди через свою маску, любуйся.

— Давай-давай, пали по камням вслепую.

— А ты гляди. Гляди и облизывайся.

— Жадина! — крикнул второй и опять сунулся под воду. Видно было, как голова его поворачивается то в одну сторону, то в другую сторону, всё глубже зарываясь в водоросли. Потом она показалась над поверхностью, рука разжалась и выпустила ствол ружья.

— Ушла? — растерянно спросил высокий.

— А ты думал.

— Эх ты, маски пожалел. Жмот ты.

— А ты? Вцепился в своё ружьё и орёт на всю реку.

Они отвернулись друг от друга — оба посиневшие от холода, покрытые гусиной кожей. Владелец маски вздохнул, опустил лицо в воду и побрёл дальше вверх по течению. Владелец ружья немного подумал и поплёлся вслед за ним.

«Интересно, сговорятся они, чтоб по очереди, или нет? — размышлял Валера, карабкаясь вверх по обрыву. — А я? Я бы отдал ружьё? Или маску? Нет, лучше бы первый раз мне дали и то, и другое, я бы ей как жахнул. Только кому «ей»? Кто там был? Неужели щука? Вот если б поймать такую щуку, как санитар Ерофей поймал! Хотя нет — такую большую всё же не надо. Ещё укусит. Всё-таки боязно. Интересно, а каким местом человек боится? Какому месту надо приказать: не бойся! Спрошу у папы, он всё знает. Пусть покажет мне на той картинке, где разрезанный человек. Я тогда буду знать и чуть что прикажу трусливому месту не бояться — и всё...»

Так, сам с собой беседуя, Валера миновал магазины, парикмахерскую, клуб и не заметил, как ноги сами, без приказа, подняли его на крыльцо почты и внесли в комнату, раздвинутую деревянным барьером полам.

— Акимовна, здравствуйте, — громко сказал Валера. — Я вас очень прошу: не бейте штемпелем по всей марке, стукните по краешку. — И тут

же похвалил себя: молодец, не забыл.

— По какой марке? — спросила Акимовна.

— А вот на письме, — сказал Валера и протянул руку над барьером. Акимовна поглядела на него и только пожала плечами. Рука была пуста. Валера протянул другую. В ней тоже ничего не оказалось. Он ощупал карманы, проверил за пазухой — нигде ничего. Оглянулся в сторону двери — гладкие крашеные доски пола уходили до самого порога и на них не было ни клочка бумажки.

— Что, потерял? — спросила Акимовна.

— Нет, — сказал Валера, — не может быть.

Но при этом почувствовал, как пальцам вдруг стало холодно-холодно, а лицу — горячо. Он вышел на крыльцо и приказал глазам смотреть изо всех сил, искать что-нибудь белое. Белого было полно. Цветы в садике напротив. Развешенные на верёвке рубахи. Фарфоровые изоляторы на столбах. Халат парикмахера в окне парикмахерской. Косынки двух тёток, проехавших на мотоцикле. Таз, вынесенный из магазина и положенный на крышу «Запорожца».

«Нет, — поправился Валера. — Не просто белое, а белое и прямоугольное».

Немедленно появилась афиша на стене клуба, дощечка автобусной остановки, газета, расклеенная на щите, выкрашенная известкой кирпичная труба, карманчик на платёе перебежавшей улицу девчонки. Даже круглое облако, плывшее по небу, отразившись в окне «Запорожца», притворилось прямоугольным. И только письма не было нигде. Всё ещё не веря своему несчастью, Валера спустился с крыльца и побрёл по улице. Ему казалось: вот сейчас он заглянет под скамейку, а оно там и лежит. Или вон там, за этим кустом. Или за кучей брёвен, сваленных у забора. А может, кто-нибудь уже подобрал его?

Но тогда бы этот кто-то прочёл адрес и отнёс его на почту. У них

в посёлке не нашлось бы такого плохого человека, чтоб забрал найденную вещь к себе. Да и зачем? А вдруг нашёл не человек, а какой-нибудь зверь? Корова, например. Санитар Ерофей рассказывал, как однажды его корова сжевала половину газеты с тиражом лотереи. Или собака могла взять в пасть и утащить к себе в конуру. Или птица. Где это он видел такую картинку: летит голубь и держит в клюве письмо?

Мама не придет! Могло ли быть что-нибудь страшнее? Не придет из-за него. Из-за его дырявой головы. Из-за растяпства и ненадёжности. Из-за того, что письмо где-нибудь плывёт сейчас по волнам, и парусник на марке медленно погружается под воду. А может, уже совсем погрузился, и письмо лежит на дне. И улитки ползают по нему, стирая адрес букву за буквой.



Река блестела внизу, с тихим бульканием обтекала островок. Какая-то рыба осторожно плеснула у берега, словно проверяла, ушли мальчишки с ружьём или нет.

«Если я уронил его в воду, — холодея, подумал Валера, — то всё».

И сразу в памяти всплыли папины слова: потеряешь — мама письма не получит и не придет. Он попытался приказать глазам осмотреть обрыв, кустик за кустиком, ямку за ямкой, но глаза не послушались. Река, деревья на островке, деревянные мостки, нависшие над водой, — всё окуталось туманом, расплылось... Валера понял, что он плачет.

Валера заплакал ещё сильнее и, не разбирая дороги, побрёл прочь от реки. В груди было больно так, будто кто-то залез туда и тонкой палочкой давит на одно и то же место. Наверно, как раз на то, которым человек боится. Потому что и раньше от всего страшного — от змей, от быка Самсона, от пчёл, от скуки — болело в этом же месте. Но от змей можно было убежать, от быка Самсона спрятаться, от пчелы отмахнуться, от скуки — поиграть во что-нибудь. А от «мама не придет» не было никакого спасения.

Больше Валера не высматривал белое и прямоугольное под кустами

или скамейками, в канаве или за палисадником. Ему вообще не хотелось глядеть по сторонам. Он уже знал по опыту: с тобой может случиться любое горе, а кругом жизнь будет продолжаться так, словно ничего не произошло. И это было обиднее всего.

Над цветами всё так же гудели пчёлы, носились бабочки, и божья коровка всё ползла и ползла по краю картофельного листа. Самолёт тянул в небе ровный ниточный след. Рыжая лошадь как ни в чём не бывало проскакала мимо, весело дребезжа молочными бидонами, расставленными в телеге. Рабочие вернулись строить мост, и крановщик уже вовсю орудовал рычагами и рукоятками.

Легковая машина проехала по улице, остановилась вдалеке у школы. Было видно, как у неё открылась левая дверца, как вышел водитель, как начал выгружать свёртки из багажника. Правая дверца тоже открылась, и показалась женщина с целым букетом маленьких глобусов в руках.

При виде её Валера на секунду застыл на месте и начал изо всех сил тереть глаза. Потом почувствовал в горле счастливое щекотание, будто его подбросило на невидимых качелях. Потом лицу опять стало горячо, и слёзы мгновенно высохли, превратившись в тонкую тянущую корочку. Потом стало холодно, и ветер засвистел в ушах. Он понял, что ноги бегут во всю мочь, несут его к машине. Потом услышал собственный голос, который вопил на весь посёлок:

— Мама! Мама!

Мама едва успела высыпать глобусы на траву и подхватить его на руки.

— Ну что ты? Что? Разве можно так кричать? Ведь связки сорвёшь — говорила она, целуя и обнимая Валеру. — А почему щёки солёные? Плакал? Соскучился, да? Или что-нибудь случилось?

Валера хотел сказать, что да, случилось. Что он письмо потерял, потому и плакал. Но тут же он хотел спросить, как же она приехала, не получив письма? И тут же хотел сказать, что больше он никогда не будет таким растяпой. Что станет теперь надёжным-надёжным. Что научится помнить про сто вещей сразу. И сумеет управляться с ними ловко и проворно, как крановщик в соломенной шляпе. Или выучит столько же названий лекарств и болезней, и которое от какой, сколько папа, и так же сумеет вылечивать даже самых тяжёлых больных. Или, как сама мама, запомнит все реки и озёра, моря и континенты, страны и столицы, острова и вулканы и сумеет научить этому других.

Но все эти обещания и вопросы не хотели ждать очереди, рванулись все сразу, застряли в горле, и мимо них проскользнули невеста откуда взявшиеся три слова, которые и вырвались наружу:

— Моя мама приехала!

От его крика мама зажала уши, водитель выронил последний глобус, а голуби в школьном дворе подлетели, треща крыльями, опустились на крыльцо и в волнении принялись расхаживать взад-вперёд по ступенькам.

Рисунки Ю. Бочкарёва

Н. САДОВЫЙ

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДУТ КНИГИ!

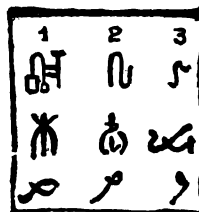


С самого раннего детства дружим мы с книгой. Сначала она открывает перед нами чудесный мир сказок. Потом появляется самый первый учебник — букварь. На смену ему приходят другие учебники. Начинается увлекательное путешествие в страну знаний. И первый проводник в этом путешествии — книга. Она открывает и отдаёт людям все сокровища знаний, накопленные в течение тысячелетий. Недаром Максим Горький назвал книгу величайшим чудом из всех чудес, созданных человечеством.

СТРОКИ ИЗ БИОГРАФИИ

Самые первые книги совсем не были похожи на те, какими пользуемся мы. Сто лет назад во время раскопок на месте древнего государства Ассирии учёные обнаружили огромную библиотеку, принадлежавшую царю Ашшурбанипалу, который жил в седьмом веке до нашей эры. Книгам этой библиотеки не страшны были никакие пожары, потому что страницы их были... глиняные. В то время люди ещё не придумали бумагу. Письма и книги они писали на мягких глиняных пластинках. Вернее, не писали, а выдавливали особые значки острой палочкой. Потом пластинки сушили, обжигали и складывали в ящики — предки нынешних переплётёв. Для того чтобы доставить глиняную книгу или даже письмо из одного города в другой, требовался порою целый караван верблюдов!

Глиняные книги делали вавилоняне, ассирийцы и другие народы древности. В Древнем Египте тексты книг высекали на каменных плитах. Китайцы использовали для этой цели тонкие бамбуковые пластинки, которые нанизывали на крепкую бечёвку. Она заменяла переплёт.





Потом изобрели папирус. Спрессованные пластинки тростника-папируса египтяне склеивали в ленты. Получались страницы длиной в несколько десятков метров. На них писали текст и сворачивали в свиток, как обои. В ту пору ещё не было чернил, поэтому люди пользовались жидкими лаками. Только у этих лаков был недостаток: от них получалось много клякс. Так что лаковые кляксы более древние, чем чернильные: им около пяти тысяч лет!..

На смену папирусу пришёл новый вид материала для письма — пергамент. Его изготавливали из кож телят, ягнят, козлят, а называли так потому, что впервые эту кожаную «бумагу» начали изготавливать в столице Сирии Пергаме (во втором веке до нашей эры).

В средние века появились первые книги, похожие на нынешние. Листы пергамента соединяли в тетради, сшивали их и заключали в деревянные крышки, обтянутые кожей или материей. Книжки писали от руки специальные переписчики. Художники украшали их рисунками. Для кожаных страниц требовались целые стада скота. Неудивительно, что книги стоили так дорого. На один экземпляр можно было обменять целое поместье.

Более пяти веков назад выдающийся немецкий изобретатель Иоганн Гутенберг отпечатал на своём станке первые экземпляры книг. На самой ранней из них стоит дата: 1445 год. Началась эпоха книгопечатания!

Первым русским печатником был Иван Фёдоров. Он был мастером на все руки: конструктором и слесарем, художником и резчиком по дереву, механиком и печатником. Первой русской книгой принято считать «Апостол», который Иван Фёдоров напечатал вместе со своим помощником Петром Мстиславцем в 1564 году.

КНИЖНЫЙ ГОРОД

Никогда не видел я такого множества книг, как на последней Международной выставке, которая была открыта осенью прошлого года в Москве. На Выставке достижений народного хозяйства раскинулся целый книжный город с кварталами, проспектами и перекрёстками. «Население» города — 25 тысяч книг, плакатов и альбомов, говорящих на 88 языках — отечественных и зарубежных. Перед обширным двухэтажным павильоном полочутся флаги 44 государств, приславших в Москву своих посланцев. И всюду красуется эмблема — развёрнутая на ладони книга под девизом «Книга на службе мира и прогресса».

Путешествуя по книжному городу, посетители попадали из страны в страну, пересекали континенты, поднимались в космос, опускались в морские пучины, оказывались в волшебном мире сказ-

ки. И почти любую книгу можно было снять с полки, перелистать, рассмотреть иллюстрации, познакомиться с содержанием.

Каждый посетитель книжного города оказывался прежде всего в зале, посвящённом теме выставки — борьбе народов за мир на земле, за дружбу и мирное сотрудничество, за безопасность и разоружение. Книги изданы на разных языках, но на всех переплётах — знакомые великие имена: Маркс, Энгельс, Ленин.

Тут же можно было познакомиться со сборниками произведений руководителей коммунистических и рабочих партий. Они рассказывают о торжестве идей марксизма-ленинизма, стремлении народов к прочному миру и прогрессу.

Были на выставке и книги-борцы. Они не привлекали внимания отличным художественным оформлением. Тоненькие, невзрачные на вид, они появились в свет в годы фашистской диктатуры в Греции и Португалии. И не только там. Вот всем знакомый «Капитан Немо» Жюль Верна. Это на обложке. Внутри же — речь Георгия Димитрова, произнесённая на VII конгрессе Коминтерна в 1935 году. Речь эту болгарские коммунисты нелегально отпечатали в Софии. Другая речь Димитрова была спрятана под обложкой меню ресторана «Элит».

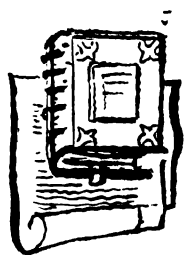
Во второй этаж не доносится шум голосов. В небольшом круглом шатровом павильоне царит особая тишина. Здесь под стеклянными витринами — книги необыкновенной судьбы, книги-герои. Они воевали вместе с солдатами. На некоторых следы крови, отверстия, пробитые пулями.

Автоматная очередь насквозь прошла томик «Поднятой целины» Шолохова. Книга найдена в вещевой сумке погибшего солдата рядом с письмами матери и невесты.

На Синявинских болотах под Ленинградом побывал томик Пушкина. Он навывлет пробит осколком снаряда...

Разрывной пулей пробит томик стихов Владимира Маяковского. В книге «Как закалялась сталь» Николая Островского нет переплёта и первых страниц. А между строками — итоги боёв: «Отбито 6 танковых атак». Эта книга шагала в одном строю с участниками морского десанта, высаженного под Новороссийском. В минуты затишья между боями воины вслух читали Островского и израненная осколками книга вселяла в них мужество, прибавляла сил.

Детскую литературу М. Горький назвал «Великой державой со своими суверенными правами и законами». Как известно, каждая шестая книга, которая выходит в нашей стране, адресована юным читателям. Каждый год для ребят издаётся у нас три тысячи различных книг общим тиражом 344





миллиона экземпляров. Если бы какой-нибудь читатель решил познакомиться со всеми тремя тысячами книг, то вряд ли это оказалось бы ему под силу: надо ежедневно читать по 8 книг!

В «детском квартале» книжного города была особенная теснота — и у стендов, и в проходах. Взрослые дяди и тётки смотрели чудесные издания, ахали от восторга, читали и рассматривали картинки. Может быть, потому, что когда они сами были школьниками, для них не издавали таких чудесных книг. Многие авторы знакомы им с детства, но ведь издательства с каждым годом оформляют книги всё лучше и лучше.

Недаром среди изданий, удостоенных наград на Международном конкурсе, оказались и книги для детей. Золотую медаль получил «Левша» Н. Лескова с иллюстрациями Кукрыниксов. Серебряной медали удостоена книга ленинградского писателя, редактора журнала «Костёр» С. Сахарнова «По морям вокруг Земли», иллюстрации для которой сделали художники Э. Беньяминсон и Б. Кыштымков.

На Международной выставке «Книга-75» было проведено несколько конкурсов. Высшей награды — золотой медали «Серп и Молот» — удостоена книга, содержащая речь Л. И. Брежнева «Великий подвиг советского народа». Эту речь Леонид Ильич Брежнев произнёс на торжественном собрании в Кремлёвском Дворце съездов, посвящённом 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В книгу вошёл также текст Обращения Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Правительства Советского Союза «К народам, парламентам и правительствам» (Политиздат).

КНИГА, КОТОРУЮ ПИСАЛИ ВСЕ

Была на выставке и ещё одна книга, которую писали все, кто желает. Её страницы заполнялись восторженными отзывами об увиденном. Записи — на множестве языков нашей страны и всей планеты. Из подписей можно узнать, что авторы их — рабочие и колхозники, воины и студенты, школьники и пенсионеры, москвичи и гости столицы. Только под одной строкой, написанной крупным почерком, я не обнаружил подписи. А строка так понравилась, что я переписал её в свой репортёрский блокнот:

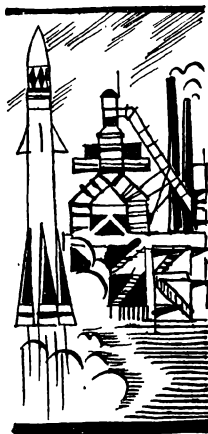


«ПУСТЬ ВСЕГДА БУДУТ КНИГИ!»

Как просто и здорово сказано!
Ничто и никогда не заменит книгу — древнейшее изобретение человека. По ней он обучается прамоте, не расстаётся с ней на протяжении всей жизни. И особенно в нашей стране, которая признана самой читающей в мире страной.

Вот почему нам, советским людям, особенно близок символ выставки: книга на ладони. Книга, которую, как светоч знания, поднимают миллионы рук.

Рис. П. Вискова





МАМА - МЕДВЕДИЦА

Это произошло на дрейфующей станции «Северный полюс-10» осенью 1960 года. Ежедневно после обеда мы выходили на работу по строительству взлётно-посадочной полосы (ВПП). В лагере оставались только дежурный и повар. Работа была тяжёлая: пешнями и топорами рубили торосы, а обломками льда засыпали озёрки талой воды.

Кончился период полярного дня, когда на льдине светло круглые сутки. В сентябре осенние вечера становятся тёмными.

Однажды, заканчивая работу на ВПП, мы заметили над станцией три красные ракеты.

Сигнал тревоги.

Забыв об усталости, все поспешили к посёлку. Дежурный сообщил начальнику, что, заметив тре-

вожное состояние собак, он решил вызвать подмогу. Быстро наступающая темнота заставила нас немедленно направиться к разводью, куда убежали собаки.

Достигнув ледяного холма, где находился склад, мы увидели три чёрные точки. Это были наши собаки. В сгустившихся сумерках светлыми полосами обозначились разводья, частично замёрзшие и покрытые свежевывавшим снегом. В сопровождении трактора с горящими фарами мы поспешили на помощь собакам. Вскоре полярники образовали полукруг, внутри которого находились встревоженная медведица и два прижавшиеся друг к другу медвежонка. Собаки яростно нападали на маленьких, не приближаясь к разъярённой матери.

— Стрелять мимо и только из ракетниц! — приказал начальник.

Медведица не испугалась людей и выстрелов. Она часто останавливалась, ворочала головой, следя за медвежатами и беснующимися возле них псами. Ободрённые приходом множества людей, собаки стали смелее бросаться на детёнышей, стараясь укусить их за задние лапы.

Убить медведицу-мать мы не хотели, но и оставлять её вблизи продовольственного склада было невозможно. Ни обезумевшие от бесилия собаки, ни люди, пускающие ракеты, не могли испугать смелую медведицу. Создавалось нелепое положение: два десятка человек в сопровождении мощного трактора, имевших, кроме ракетниц, два карабина, оказались беспомощными перед молодой матерью с двумя детёнышами.

Неожиданно авиатехник Миша Коршунов предложил испытать новый вид безвредного для медведей оружия. Для указания направления ветра на ВПП обычно зажигают дымовые шашки. Самолёт, идущий на посадку, по чёрному шлейфу дыма видит с воздуха, откуда дует ветер, и садится на посадочную полосу.

Удачно бросив возле медведицы две горящие шашки, Миша Коршунов вышел победителем из схватки с упрямой мамашей. Густой чёрный дым с отвратительным запахом явно не понравился гостям. Поддав лапой медвежатам, мать стала медленно отступать к торосам.

В наступившей темноте ослепительный свет ракет окрашивал в зелёный или красный цвет ближние торосы и медвежью семью. Серdito

гудел мотор трактора, яркий свет фар ослеплял зверей. Ракеты описывали огненные кривые и гасли в торосах. Теснимые трактором и цепью людей, медведи вынуждены были отступить к кромке льдины. Сбросив своих детёнышей в воду, мамаша в последний раз успешно контратаковала собак. Одна из них, не успевшая вовремя уклониться от могучего удара лапой, отчаянно завизжала и скрылась за линией людей, навсегда потеряв всякий интерес к медведям.

Наконец, отступая перед трактором, сама медведица бросилась в разводье и догнала своих ребятишек. Как мощный ледокол, она ломала всем корпусом молодой лёд. Медведи медленно переплыли затянутое льдом разводье и, выбравшись на другое ледяное поле, долго катались по льду, стараясь обсушиться после холодной ванны.

Время от времени в тёмное небо взлетала одинокая ракета. Всё это напоминало сцену в театре, освещаемую то красным, то зелёным светом. Мы долго стояли на ледяном берегу разводья, обсуждая эпизоды бескровной схватки. Героизм мамы-медведицы, защищавшей своих детей, вызвал у нас восхищение.

Когда мы подходили к посёлку, сквозь разорванные облака появилась луна. Она осветила светло-жёлтым светом домики станции, антенны и оттяжки радиомачт, покрытых толстым слоем изморози. Длинные тени от торосов чёрными силуэтами легли на голубые снега. Скоро на станции «Северный полюс-10» наступит многомесячная полярная ночь.



РЕКОРДЫ ТРАНСПОРТА

САМОЕ САМОЕ САМОЕ

САМАЯ первая в России железная дорога с паровой тягой была построена в 1834 году отцом и сыном Черепановыми на Нижнетагильском заводе на Урале. Дорога имела длину всего 857 метров.

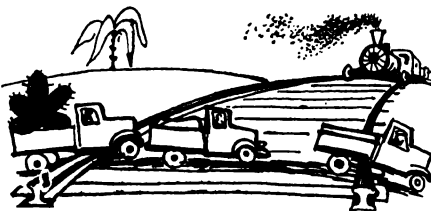


САМАЯ густая сеть железных дорог — в Бельгии. На каждые сто квадратных километров здесь приходится примерно 40 километров рельсовой колеи.

САМАЯ большая в мире модель железной дороги находится в Высшей школе инженеров транспорта в Дрездене (ГДР). Она размещена в зале длиной 79 метров и шириной 10 метров. Длина рельсов составляет 440 метров.

САМОЕ большое разнообразие типов железнодорожных колеи насчитывается в Аргентине и Бразилии. В той и другой стране имеется 7 типов колеи, отличающихся друг от друга по ширине.

САМАЯ широкая в мире железнодорожная колея проложена на Азорских островах: она равна 2135 миллиметрам.

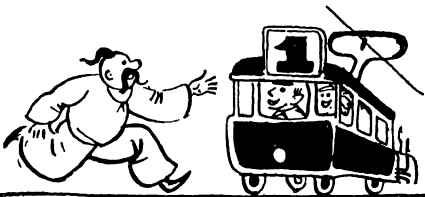


САМЫЕ первые в СССР цельнометаллические железнодорожные вагоны были выпущены в 1946 году ленинградским заводом имени Егорова.

САМОЕ большое в мире количество пассажиров перевозит Московский железнодорожный узел: на его долю приходится около трети всех пассажиров, перевезённых по железным дорогам СССР, а это более 1 миллиарда пригородных и дальних пассажиров в год. К тому же через Московский узел проходит 80 процентов всех международных сообщений железнодорожной сети СССР.

САМЫЕ громадные трамвайные вагоны строятся в Милане (Италия). Они имеют длину 29 метров и вмещают 332 пассажира.

САМЫЙ первый в России трамвай прошёл в 1892 году по улицам Киева.



САМАЯ большая скорость движения электропоезда — 374 километра в час — была достигнута в 1974 году в национальном испытательном центре США в Пуэбло (штат Колорадо). Прежний рекорд, равный 328 километрам в час, принадлежал Франции.

САМАЯ большая железнодорожная платформа сооружена в Швеции. Её длина — 73 метра, вес — 230 тонн, а вместе с максимально положенным грузом — 700 тонн. Передвигается платформа на 64 колёсах со скоростью около 20 километров в час.

САМЫЙ крупный железнодорожный вокзал находится в Нью-Йорке. Он двухэтажный. На первом этаже проходят 26 путей, на втором — 41 путь.

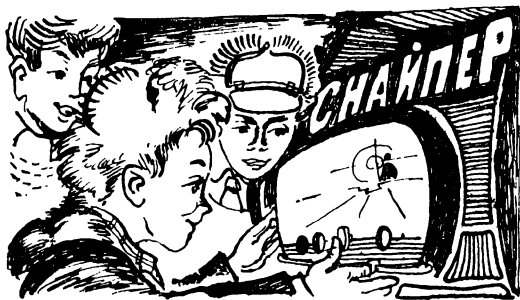
САМОЕ САМОЕ САМОЕ

СОБРАЛ В. КОЗИЦКИЙ

ИГРОВЫЕ АВТОМАТЫ

В павильоне России на Невском проспекте открыт демонстрационный зал советских игровых автоматов.

Заводы электронной и вычислительной техники одиннадцати городов страны представили свои изделия. Они ни в чем не уступают зарубежным образцам. Красочно оформленные аппараты позволяют проверить решительность, ловкость, глазомер, быстроту реакции. Они доставят удовольствие как взрослым, так и детям.



МИНИ-МЕТРО

За последнее время количество жителей французского курортного города Ниццы значительно выросло и достигло 350 тысяч человек. В летнее время из-за притока туристов и отдыхающих оно возрастает вдвое. Возникает проблема транспорта. Чтобы как-то решить её, власти города решили построить подземное мини-метро, протяжённостью в... 25 километров. Небольшие, на 5—10 пассажиров, вагончики будут ходить со средней скоростью 50 километров в час.

РЫБАК-МОНУМЕНТ

Хирург Николай Ветюнев живёт и работает на маленьком островке Шикотан в гавани дальневосточных рыбаков. Николай ещё и скульптор-любитель. Он предложил создать монумент тем, кто покоряет океан. Шикотанский рыбокомбинат «Островной» выделил материалы и средства.

И вот на скале у входа в самую дальнюю гавань страны — бухту Мало-Курильскую — выросла могучая четырёхметровая фигура человека в рыбацкой робе. Скульптура выполнена из алюминия и камня и видна издали с океана.

«ПОЖАЛЕЙ МЕНЯ»

Так называется небольшой городок в Англии. Такие необычные и порой смешные названия городов можно часто встретить в этой стране. В графстве Кент, например, имеются города с названиями: «Слепые женихи», «Лягушка», «Замок крыс», «Большая любовь»...

ЧУДО-ЛОПАТА

Её сконструировал научный сотрудник Горного института. Л. Б. Некрасов. Необходимой принадлежностью лопаты является... штепсель. Ведь лопата не простая, а электромеханическая и предназначена для разрушения мёрзлого грунта. Стылую землю она режет, словно нож масло! Убрать с её помощью лёд с тротуара — минутное дело.

Секрет необычности лопаты — в её лезвии. Его образуют сходящиеся под острым углом прочные стальные электроды. При подаче на них электроэнергии возникает электрополе. Там, где оно соприкасается с мерзлотой, лёд мгновенно разрушается. За минуту электролопата проходит до полуметра заостренной от стужи земли.



...первый во Франции музей детской игрушки открывается в Пуасси (район Парижа)! Здесь будут собраны экспонаты из многочисленных частных коллекций. При музее создаётся необычный цех, в котором маленькие посетители под руководством опытных инструкторов будут сами мастерить куклы и механические модели.

...в Швеции разработан метод извлечения железа и других металлов из... пыли! При помощи этого метода в Швеции из пыли, содержащейся в топочных газах металлургических заводов, за год получено до 100 тысяч тонн железа и тысячи тонн цинка, свинца, никеля и хрома.

...первое место в мире по количеству времени, проведённого у телевизоров, занимают японцы! Каждый японец проводит перед голубым экраном в среднем более 7 часов в сутки. Далее в списке «самых упорных телезрителей» следуют американцы и канадцы. Они сидят у телевизора по 6 часов ежедневно.

...неожиданный новосёл появился в Московском зоопарке! Это чёрный журавль — птица уникальная. В зоопарках нашей страны чёрных журавлей никогда не было, а из 800 зоопарков мира они имеются только в 26. В природе

чёрные журавли живут в глухих болотах некоторых областей Сибири и в северных районах Приморья. Редкую птицу Московскому зоопарку подарил работник заповедника «Кедровая падь» из Пожарского района Приморского края Б. К. Шибнев. Его сын Юра нашёл птенца среди таёжных болот. Было ему не более двух дней. Выходили его в семье Шибневых.



...учёные рекомендовали в качестве строительного материала для Заполярья — ледопласт! Внешне он очень похож на обычный лёд, но по своим свойствам значительно отличается от него. Чистый лёд в качестве строительного материала очень хрупок и ненадёжен. Однако стоит в воду добавить немного древесной массы, как прочность льда резко возрастает, и он приобретает механические свойства бетона. Возникла идея даже строить гигантские корабли из... льда! Такие проекты сейчас разрабатываются. Ещё бы. Ведь тогда можно будет пустить по морю плавучие средства, которые ничего не стоят.

...учёные обнаружили у посёлка Ульяновка, близ

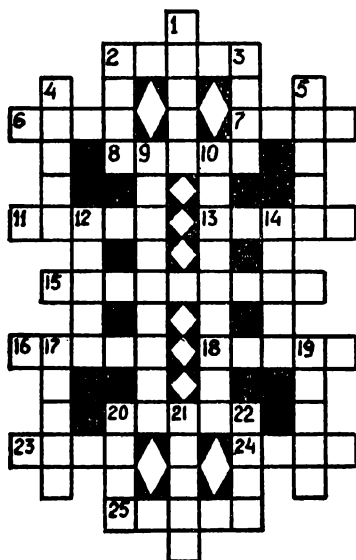
Колпина, в толще сланцев, выходящих на поверхность, растения, возраст которых более... полумиллиарда лет! Это фитопланктон — самый ранний представитель жизни на планете. Размеры этих одноклеточных водорослей очень малы, они не превышают 40 микрон. Как выяснилось, из таких растений на 10—15 процентов состоят все ленинградские сланцы.

...в рыболовецком колхозе «Узвара», на Рижском взморье, самая большая в Прибалтике коллекция кактусов! В ней более 100 тысяч растений. Колхоз снабжает семенами кактусов всю страну. Маленькие пакеты с семенами отправляются в Москву, Ташкент, Львов, Южно-Сахалинск и по другим адресам.

...неподалёку от города Пятра-Нямц румынские исследователи обнаружили окаменелые остатки древней рыбы! Учёные считают, что рыба принадлежит к семейству хищных тунцов и жила более 60 миллионов лет назад. Любопытно, что, несмотря на столь «преклонный» возраст, у находки хорошо сохранилась даже чешуя.

...клюква в переводе с латинского означает «шарик, дающий жизненную энергию»! Клюква — это кладовая сахара, витаминов и других компонентов. Кислоты, вырабатываемые этой миниатюрной химической фабрикой, обеспечивают длительное хранение продукта. В нашей стране ежегодный урожай клюквы превышает миллион тонн.





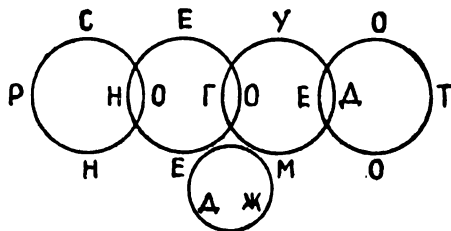
По горизонтали. 2. Атака крепости, сильно укрепленного опорного пункта. 6. Выдающийся голландский живописец. 7. Кондитерское изделие. 8. Атмосферный вихрь. 11. Коралловый остров. 13. Сухая или с временным водотоком долина. 15. Подставка с разветвлениями для нескольких свеч или ламп. 16. Один из основных жанров драматургии. 18. Перечень требований и пожеланий избирателей, который вручается ими своему депутату. 20. Несамостоятельное деревянное плоскодонное судно. 23. Административный, хозяйственный и культурный центр сельского района или территории сельского Совета. 24. Единственный вид отряда ластоподых. 25. Созвездие южного полушария неба, расположенное между созвездиями Журавля, Индейца, Октаанта, Южной Гидры и Феникса.

По вертикали. 1. Название кондитерских, молочных, мясных, рыбных и других кулинарных изделий, в состав которых входят взбитые белки. 2. Возможность, вероятность осуществления чего-либо, успеха, удачи в чем-либо. 3. Состязание между двумя или несколькими спортсменами, командами. 4. Результат решения задачи. 5. Род папоротников, травянистые многолетние растения с ползучим ветвящимся корневищем. 9. Пьеса с острой интригой, преувеличенной эмоциональностью, резкий противопоставлением добра и зла. 10. Аппарат с ножеобразными подвижными контактами с ручным управлением, служащий для включения и выключения электрических цепей. 12. Способ военных действий по овладению крепостью или другим пунктом крепостного типа. 14. Народная картинка, произведение графики, отличающееся доходчивостью образа. 17. Сумка из непромокаемого материала, носимая на спине. 19. Воскоподобное вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалота. 20. Крепёжная деталь для разъёмного соединения частей машин. 21. Узкая полоса, получаемая при опиловке кромок необрезных досок. 22. Углеродистое соединение, производное аммиака.

ЗАДАЧА С КОЛЬЦАМИ

Поверните кольца так, чтобы в горизонтальных рядах можно было прочесть русскую народную поговорку.

Обращаем ваше внимание на то, что к маленькому кольцу буквы прикреплены изнутри, а не снаружи.



ПОГОВОРКА

Выберите из каждого слова по две рядом стоящие буквы с таким расчётом, чтобы из них сложилась народная поговорка.

Капонир, берёза, междометие, каюр, ватник, печка, лиса, голос, солома, пума, варенье, Льеж, комитет, кворум, номер.

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 2]

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Магазин. 5. Тол. 6. Фок. 8. Оникс. 11. Арык. 12. Омар. 13. Аэростатика. 18. Косинусоида. 23. Желе. 24. Обер. 25. Якоби. 28. Хор. 30. Гус. 31. Маринад.

По вертикали. 1. Мол. 2. Грин. 3. Злак. 4. Неф. 5. Трава. 7. Карта. 8. Окно. 9. Ирит. 10. Сорт. 14. Эхо. 15. Сон. 16. «Арс». 17. Код. 18. Кожух. 19. Идея. 20. Утро. 21. Обои. 22. Абрис. 26. Кипр. 27. Баян. 29. Рим. 30. Гид.

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

Купе, перо, роба, бакан, канва, ваза, закон, контур, тургор, горлан.

ПЛЕТЁНКА

Приступ, предмет, сметана, сарказм, трибуна.

Маринад, кочерга, никелин, лягушка, нормаль.

Содержание

«Сугробы тают и всюду сыро...» Стихотворение Екатерины Шантгай	1
«Наташа». Очерк Э. Александровой	2
Наше время. Стихотворение Екатерины Голубковой . . .	4
Кафе «Альянс». Рассказ Якова Длуголенского	5
Моёкалка. Стихи Н. Егорова	22
Мой старый дом. Окончание повести Владимира Арро . .	23
Весеннее утро. Стихотворение А. А. Милна	38
Волшебная кисть Тропинина. Очерк Эд. Аренина	39
Утоившее письмо. Рассказ Игоря Ефимова	45
Пусть всегда будут книги! Очерк Н. Садового	53
Мама-медведица. Рассказ Н. Т. Черниговского	58
Самое-самое-самое	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . .	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Вочкарёва «С праздником!».

На 2-й странице обложки фото «Юная художница». Фото ТАСС.

На 3-й странице обложки фото А. Максимова. «И в Крыму хожкей».

На 4-й странице обложки рисунок художника Януса «По примеру дедушки Мазая».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель И. И. ТРОФИМКИН

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик, В. Н. Суслов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55.

Сдано в набор 2/II 1976 г. Подписано к печати 18/III 1976 г. 4 п. л.
М-29088. Зак. № 510. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 62 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата
Ленинград, Фонтанка, 57.



